

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

Орган правления Союза советских писателей СССР.
Выходит под редакцией В. Вишневского, А. Кулагина,
В. Лебедева-Кумача, М. Лифшица, Е. Петрова,
Н. Погодина, А. Фадеева.

№ 32 (883)

10 июня 1940 г., понедельник

Цена 30 коп.

Дадим детям яркую художественную книгу о науке

Еще в 1933 г. Горький писал, что мы должны «в кратчайший срок снабдить нашего ребенка литературой, необходимой для его культурного роста». Горького тревожило, что «дети не имеют комплекта книг, существенно необходимого для их развития».

С тех пор появилось немало книг для детей. И все же мы должны сказать, что у детей наших и сейчас еще нет этого «комплекта книг», о котором писал Горький.

Посмотрите на полки детских библиотек. Много ли вы найдете книг для детей по истории культуры, о физике, химии, геологии, ботанике, географии?

Есть разрозненные книги на отдельные темы, но нет комплекта книг, который давал бы детям сумму необходимых им знаний.

А между тем задача коммунистического воспитания именно в том и состоит, чтобы дать детям, молодежи не обрывки, а сумму знаний.

Об этом говорил Ленин на III Всероссийском съезде комсомола:

«Было бы ошибочно думать так, что достаточно усвоить коммунистические лозунги, выводы коммунистической науки, не усвоив себе той суммы знаний, последствиями которых является сам коммунизм».

Ленин призвал молодежь овладеть знаниями всех тех богатств, которые выработало человечество.

Как же помочь детям овладеть богатствами науки?

Это серьезная и трудная задача. Ее можно разрешить только настойчивой и длительной работой большого коллектива.

Но так давно группой писателей и ученых была выдвинута идея организации при Академии наук доименовских чтений. Ежегодно на зимних каникулах лучшие ученые нашей страны будут встречаться с детьми и рассказывать им о своей работе, о своей науке. Если эта идея осуществится, каждый школьник даст новую книгу для детей, подобно тому, как беседы Фарадея с детьми легли в основу его увлекательной книги «Химическая история свеча».

Участие ученых в работе над детской книгой поможет, наконец, создать тот «комплект книг», о котором мечтал Горький. Но привлечение ученых не означает устранения писателей от работы над научной книгой для детей. Наоборот, роль и ответственность писателя возрастает.

Трудная задача создания увлекательной научной книги для детей может быть решена только в содружестве науки и литературы.

Горький писал, что «только ответить на вопрос ребенка — большое искусство». С детьми нельзя говорить сухо, лекционно, как говорят со студентами. Книга для детей должна быть живой, образной, увлекательной, иначе дети попросту не будут ее читать. Вместо того, чтобы привить вкус к науке, сухая и скучная книга отобьет охоту заниматься наукой, незаслуженно ее скомпрометирует. Дети — народ отравленный. Когда им скучно, они зевают. А если вы затите им полезное, но скучное чтение, они закроют ее на второй же странице, не желая ложиться спать раньше положенного часа.

Среди пишущих научные книги для детей есть люди, которые думают, что наука сама по себе — вещь скучная и что задача состоит в том, чтобы изобрести наилучшее средство от скуки.

Одни считают, что для этого достаточно переписать книгу, как нафталином, прилагательными «сказочный», «увлекательный», «чудесный», «поразительный», «волшебный».

Другие, не полагаясь на действие этих «волшебных» эпитетов, надеются, что лучшее средство от скуки — это «беллетризация» произведения с помощью пары любознательных пионеров и бородатого, рассеянного профессора.

Нужно ли говорить, что такое «золочение пилы» не имеет ничего общего ни с наукой, ни с литературой.

Наука сама по себе интересна, и задача писателя — показать, чем именно наука интересна. Если писатель хочет, чтобы дети его слушали, он должен в самой науке найти материал для тех образов, сравнений, сопоставлений, которые делают рассказ увлекательным.

Есть популяризаторы-педанты, которые, как огня, боятся художественного образа в научной книге для детей. По большей части это и не настоящие ученые и не настоящие писатели. Чувствуя себя в науке неуверенно, они осторожно пробравшись среди малознакомых им идей и фактов, боятся наступить на какое-нибудь давнишнее исключение или «впасть в грех». Они не выносят смелых образов, потому что образ — это отступление от принятых в науке формулировок.

Не так поступает настоящий ученый. Он хорошо знает, что художественными образами можно выразить мысли не хуже, чем формулами.

Он свободно путешествует по знакомому ему миру науки, не боясь сравнений и образов, если они помогают познанию.

«Дрова горят, животные горят, человек горит, все горит, а между тем не сгорает».

Пища — это «консерв солнечных лучей».

Земледелец «торгует светом и воздухом».

Пеняет прищип бы в ужас от этих образов. Как это «все горит»? и что это за свет и воздух, которыми торгует земледелец?

Но настоящий ученый — Тимирязев не боится педагогов, когда ему во время лекции понадобилось этими яркими образами остановить внимание слушателей.

Понимая в «храм науки», педагог не смеет и унывать. Каждая шутка кажется ему святотатством, за которое могут попросить вон вежливый гость.

А настоящий ученый, хозяин науки, смеется, когда ему смешно.

«Поэт такое же эфирное существо, сотканное из воздуха и света, как и бесплотные создания его фантазии». Эта шутка Тимирязева помогает ему довести до слушателя мысль. Чем ярче выразит мысль, тем она доступнее.

Образный, яркий язык необходим в популярной лекции для взрослых.

Тем более он необходим в научной книге для детей.

Детская книга должна быть не скучным перечнем фактов, а художественным рассказом о науке.

Вот почему для создания полноценной научной библиотеки для детей необходимо содружество мастеров науки с мастерами художественного слова.

Ученые и писатели советской страны должны соединить свои усилия для того, чтобы дать нашим детям подлинно художественную и подлинно научную книгу.

В помощь докладчикам, готовящимся к этой конференции.

На обувной фабрике «Парижская Коммуна» 135 агитаторов, беседчиков и активистов проводят среди рабочих беседы и читки произведений А. М. Горького. В партактиве завода состоялся семинар руководителей агитколлективов.

Центральная библиотека готовит обязательную читательскую конференцию. На конференции будут сделаны доклады на темы: «Горький — друг Ленина и Сталина», «Горький-публицист», «Разоблачение капитализма в произведениях Горького», «Образ женщины в произведениях Горького» и др.

Библиотека организовала консультацию научных сотрудников Музея А. М. Горького.

Памяти А. М. Горького

18 июня исполняется четвертая годовщина со дня смерти великого пролетарского писателя Алексея Максимовича Горького. В пещах Московского агитзавода имени Сталина проводится лекция, беседы, читки художественных произведений А. М. Горького. В партактиве завода состоялся семинар руководителей агитколлективов.

Пленум ЦСП, посвященный памяти Акакия Церетели

20 июня с. г. в г. Тбилиси начались торжества, посвященные столетию со дня рождения великого грузинского поэта Акакия Церетели, которые открываются торжественным общесоюзным собранием.

21-го открывается расширенный пленум правления Союза советских писателей Грузии совместно с президиумом Союза советских писателей СССР.

Президиумом будут заслушаны доклады: «Творчество Акакия Церетели», докладчик — Шавла Дадияни.

«Поэзия Акакия Церетели», докладчик — Павел Шторгова.

«Акакий Церетели — мастер художественного слова», докладчик — Леван Асатиани.

«Народность Акакия Церетели», докладчик — Георгий Леонидзе.

«Акакий Церетели в переводах братских республик», докладчик — Носиф Гришанидзе.

На празднование юбилея Акакия Церетели в г. Тбилиси выезжает делегация во главе с председателем общесоюзного юбилейного комитета А. Н. Толстым.

ПРЕЗИДИУМ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР.

ДЕКАДА БЕЛОРУССКОГО ИСКУССТВА В МОСКВЕ. В Центральном парке культуры и отдыха имени М. Горького открылась выставка произведений художников БССР. На снимке: барельеф работы скульптора А. О. Бембеля «Из освобожденной Западной Белоруссии».

Переводы Джамбула

Джамбул — один из самых любимых и популярных поэтов-акынов Советского Союза. Однако переводы его песен и стихов на русский язык лишь в малой степени передают особенности поэтики великого акына. Это объясняется многими причинами: и своеобразной монополией на переводы Джамбула, установившейся за несколько лет работы переводчиков, и небрежной работой над переводами, вызванной в большинстве случаев спешкой, и плохой организацией подстрочников и, наконец, недостаточным изучением творческих методов и творческого пути Джамбула.

Вполне уместным поэтому, хотя и несколько запоздалым, было сообщение председателя Гослитиздата С. Евгенова, сделанное на заседании бюро наркомиссии Союза писателей, о предстоящем издании на русском языке полного собрания сочинений Джамбула. Около 15 тысяч строк подстрочного перевода прошло уже редакцию лучшего знатока джамбуловской поэзии, сотрудника казахского филиала Академии наук И. Доснибаева. Более полугода работал И. Доснибаев, тщательно сверяя текст подстрочников с оригиналом. В результате этой работы им было забраковано более 4000 строк. Через несколько дней поэт-переводчик будет разданы подстрочники, сопровождаемые обширными комментариями, дающими точное представление о ритмических и лексических особенностях стихов Джамбула.

На том же заседании бюро редактор предстоящего издания Г. Корабельников прочел обстоятельный доклад о творческих приемах Джамбула. Особенный интерес у слушателей вызвало чтение отрывков из выступлений Джамбула на айтызах (соревнования акынов).

— Даже по этим достоверным мы видим, — сказал докладчик, — как далека лексика поэтических переводов Джамбула от круга образов народного певца. Обильное красочное содержание, богатство синонимов, характер импровизации — все это отсутствует в переводах. Стихам Джамбула, построенным на принципе тиранды, не свойствен строгий строй, которому были подвластны переводчики.

Г. Корабельников прочел, параллельно с дословным переводом, поэтические переводы.

Вновь образованная при президиуме Союза писателей Пушкинская комиссия собралась 5 июня для обсуждения своих задач и плана работы.

Комиссия, указав С. Бонни, должна стать центром распространения культуры Пушкина. В работу ее нужно вовлечь не только писателей, но и деятелей смежных искусств.

К этому мнению присоединились и другие участники обсуждения. При этом были высказаны пожелания о предварительном просмотре Пушкинской комиссией готовящейся в МХАТ постановки будаговской пьесы о Пушкине, оперы «Станционный смотритель», которую пишет композитор Н. Брюков, документального фильма о жизни и творчестве поэта, подготовленного сейчас режиссером Николаем, и своеобразной партитуры «Метного всадника» составленной композитором Лешевым.

В центре обсуждения стоял вопрос, как наилучшим образом сочетать в комиссии работу литературоведов и писателей, как заинтересовать в ней обе стороны.

Сегодня в номере:
1 стр. ПЕРЕДОВАЯ. Дадим детям яркую художественную книгу о науке. ИНФОРМАЦИЯ. Пленум ЦСП, посвященный памяти Акакия Церетели. Переводы Джамбула. В Пушкинской комиссии ЦСП. ЗА ПЯТЬ ДНЕЙ, Белорусские писатели у слушателей Военной академии. Вечер Дурды Клыча. История еврейской литературы. Низами на узбекском языке. Памяти Матэ Залка. «Библиотека красноармейца».
2 стр. М. ГУС. Песня младое, незнакомое... В. ФОМЕНКО. Поработанные машины. Ал. ИСБАХ. Матэ Залка. ЗА РУБЕЖОМ.
3 стр. Н. СЕМЕНОВ. «Знания полка». С. ДУРЫЛИН. Сложная и важная задача. Вл. НЕЙШТАДТ. Песни о вожде. С. СОЛОВЬЕВ. Напоминание о долге.
4 стр. Е. ЛЕВКИЕВСКИЙ, М. ШАКИРДЖАНОВ. Конфракты. С. НАГОРНЫЙ, Трагедия Скотта. Ник. МОСКВИН. Вторая жизнь. Ярослав СМЕЛЯКОВ. Ощущение счастья. Ночной штурм.
5 стр. Анна КАРАВАЕВА. Разнообразие талантов. Мих. ЛЕВИДОВ. Драматург и его тень. М. ЖИВОВ. Песни и спектакли.
6 стр. М. ГРОВ. «Независимая» пресса. С. ИППОЛИТОВ. Незавершенные замыслы Матэ Залка. В. БАРАНОВ. Новое о поэте Поджаеве. ИНФОРМАЦИЯ. Поэты и песни. Горьковские чтения. Творческие вечера писателей Крыма. Курс-конференция писателей Туркмении. Выставка не-мешкой книги. По страницам журналов. Вышедшие книги. Хроника.

За пять дней

БЕЛОРУССКИЕ ПИСАТЕЛИ У СЛУШАТЕЛЕЙ ВОЕННОЙ АКАДЕМИИ

В связи с проходящей в Москве декадой белорусского искусства из Минска приехала большая группа писателей во главе с народными поэтами Белоруссии Янкой Купала и Якубом Коласом.

По просьбе слушателей Военно-политической академии имени Ленина, белорусские писатели приехали в их лагерь, где состоялся литературный вечер.

М. Лыньков рассказал слушателям академии о белорусской литературе, о ее роли в борьбе за освобождение народа от классового и национального угнетения. Никакие преследования не могли уничтожить народное творчество, и народ Белоруссии сохранил свои национальные особенности, свою культуру. Социалистическая литература Белоруссии, за 20 лет своего существования добившаяся больших успехов, воспекает счастливую жизнь освобожденного народа.

Затем поэты Якуб Колас, П. Бровка, Эдита Опшнцев, П. Глебка, Г. Каменский, А. Кузнецов и М. Климович читали свои стихи, посвященные героям советской отчизны, освобожденным народам Западной Белоруссии, победоносной Красной Армии. С. Горюцкий, А. Сурков, М. Голыцкий, А. Куперичев читали переводы из белорусских поэтов и свои стихи.

От имени участников лагерного сбора слушатель академии т. Прокофьев горячо приветствовал писателей Белоруссии.

ВЕЧЕР ДУРДЫ КЛЫЧА

АШХАБАД. (От наш. корр.). В союзе писателей Туркмении на днях состоялся вечер народного шахира-орденоносца Дурды Клыча.

Краткий вступительный доклад о творческом пути шахира сделал поэт Чары Аширов. В обсуждении творчества Дурды Клыча приняли участие поэты и писатели: Ата Нязов, Кемал Ишанов, Бербабаев, Аман Кекчлов. Они дали высокую оценку литературной работе старейшего туркменского поэта. Переводы стихов Клыча на русский язык читали Ш. Баряган и В. Шувалов.

В конце вечера Дурды Клыч, тепло встреченный аудиторией, мастерски прочел свои дестаны: «Сахоб Сталин», «Аман Солтан» и популярнейшие в республике стихи: «Чыкыр», «Ишекли» и «Шуба».

ИСТОРИЯ ЕВРЕЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Последний декадик московских еврейских писателей был посвящен обсуждению только что вышедшей в издании еврейского Госпечиздата книги М. Ф. Вилера «К истории еврейской литературы XIX века».

В обсуждении книги приняли участие т. П. Маркин, А. Гуриштейн, Ш. Эпштейн, Б. Плавинский, Л. Бергelson, Лянман-Левин, Ш. Добрушин, С. Голлер, О. Маргулис.

Все выступавшие единодушно отметили, что книга тов. Вилера представляет значительный интерес. Она освещает большой период в развитии еврейской литературы, период так называемой Гаскалии (просвещения). Автор впервые привлек к анализу ряд мало изученных литературных явлений первой половины XIX века (Аксенфельд, Этингер и др.). Большой интерес представляет также глава о классике еврейской литературы Менделе Мойхер-Сфорим.

Картина развития еврейской литературы дается автором на широком историческом фоне, в теснейшей связи с развитием русской и западноевропейской литературы. С особым вниманием автор останавливается на литературных явлениях, в которых явственно отражены интересы широких народных масс.

По мнению выступавших, книга тов. Вилера является ярким свидетельством роста еврейской советской критики.

Приветствуя инициативу издательства, выпустившего книгу, выступавшие отметили необходимость издания на русском языке основных глав этой работы, чтобы широкие круги советских читателей имели возможность познакомиться с главнейшими атаками развития еврейской литературы XIX века.

НИЗАМИ НА УЗБЕКСКОМ ЯЗЫКЕ

ТАШКЕНТ. (От наш. корр.). Классик азербайджанской литературы Низами известен в Узбекистане очень давно. Достаточно указать на тот факт, что первый перевод на узбекский язык поэмы Низами «Хосров и Ширин». «Лейли и Меджнун» был сделан еще в XIV веке поэтом Кутубом. В различных библиотеках республики хранятся старинные списки поэм Низами.

В ознаменование юбилея Низами республиканский юбилейный комитет напечатал в издании на узбекском языке поэмы «Хосров и Ширин», «Лейли и Меджнун» и сборника избранных стихов великого поэта.

Кроме того, переводятся на узбекский язык биография Низами, написанная азербайджанским критиком М. Рафляки.

ПАМЯТИ МАТЭ ЗАЛКА

11—12 июня общественность столицы отмечает третью годовщину со дня героической смерти писателя Матэ Залка — генерала Залка.

Большой вечер, посвященный его жизни и творчеству, состоится 11 июня в Красном зале Центрального дома Красной Армии.

С воспоминаниями о писателе и друге Красной Армии на вечер выступит Герой Советского Союза тов. Новиков, боины и командиры РККА. Писательница Р. Азарх и оператор-орденоносец тов. Гармен расскажут о встречах с Матэ Залка. Выступит также тов. Гармен будет сопровождаться показом отрывков на фильме «Непаяная».

Поэты Д. Алтаузов, Евг. Доматовский, М. Неаховский, К. Симонов и С. Шнапер протрут свои стихи о Матэ Залка.

Вечера, посвященные Матэ Залка, состоятся также в Центральном парке культуры и отдыха им. Горького и в Измайловском парке им. Сталина.

«БИБЛИОТЕКА КРАСНОАРМЕЙЦА»

Третий год Воениздат Наркомата Обороны СССР выпускает «Библиотеку красноармейца». Она успела зарекомендовать себя среди бойцов Красной Армии. Уже вышло свыше 70 названий. В этом году в числе вышедших книжек мы находим «Сон Макара» В. Королькова, очерки о Шолоховском, Чаловом, книжки В. Фляка — «25 лет назад», Эми Слю — «Непокоримый Китай», Д. Петровского — «Боевик», рассказы о героих боев, военно-исторические и военно-политические очерки. В производстве находится очередные книжки «Библиотеки»: «Как закалялась сталь» Островского, «Огонь» Барбюса, «Рассказы летчиков» Кайтанова, «Кавалерийский рейд» Матэ Залка, «Севастопольская оборона» Сергеева-Исторского, очерки о Козьме Минине, Денисе Давыдове, книга о советской Украине М. Тардова и другие.

Военное издательство ставит своей важнейшей задачей привлечение мастеров художественной литературы к самому тесному сотрудничеству в «Библиотеке красноармейца». К сожалению, до сих пор писатели мало участвовали в ней. В связи с этим президиум Союза советских писателей и Воениздат обратились на днях к ряду писателей с письмом, в котором говорится:

«Писатель должен стать не случайным гостем «Библиотеки красноармейца», и даже не гостем ее, а полновластным хозяином, кровно заинтересованным в том, чтобы она пополнялась полноценными художественными произведениями, достойными нашего замечательного, требовательного читателя, каким является боец Красной Армии».

Многие писатели побывали на фронте, вместе с бойцами делили трудности и радости боев и походов, обогатили свой творческий багаж яркими, волнующими впечатлениями. Возвращаясь рассказывать на страницах «Библиотеки красноармейца» об этих впечатлениях, об отважных людях нашей доблестной Красной Армии — священный долг писателя».

Вместе с письмом был разослан тематический план издания военно-художественной литературы на 1941 год. План предусматривает выпуск серии рассказов и очерков о современном быте и учебе Красной Армии, литературных портретов Героев Советского Союза, рассказов и очерков, посвященных советским маршалам, генералам и адмиралам, а также выдающимся пролетарским полководцам — Фрунзе, Киркову, Орловским, Куйбышеву, Котовскому, Квицидзе, Шорсу и другим.

Выйдет также серия книг о героическом прошлом народов СССР, об их борьбе за свое освобождение, о крупнейших русских полководцах, таких, как Суворов, Кутузов, Барятинский, о боевых качествах русского солдата и т. п. Кроме того, планом предусмотрено издание в «Библиотеке красноармейца» сборника рассказов о героях социалистического строительства, книг о революционной борьбе за рубежом, сборника одноактных пьес, юморесок, скетчей, частушек для красноармейской художественной самодеятельности.

Особое внимание должно явиться участию писателей в создании для «Библиотеки» скетчей очерков о жизни и творчестве великих русских писателей — Пушкина, Лермонтова, Некрасова, Белинского, Чернышевского, Малковского и других.

Порабощенные машиной

Одно время модная в литературе шармавшая манера изображения «производства», поощряемая на фетишизации техники, отстала человека, стоящего у машины. Теперь рабочий начинает занимать центральное положение. Внешние аксессуары капиталистического индустриализма, прежде самолюбующие, стали обрамлением, фоном к портрету людей труда. Появились произведения, по-разному изображающие рабочего. В одном случае это безработный — завалявшийся «лишний человек», в другом — беспокойный исландец, в третьем — безработный исландец, как их найти, в третьем — обманутый лжеинженером и начинающий прозревать труженник, п. как включение, активный барьер против капитализма. Эти книги очень неравноценны. Но каждая честная попытка охватить новую большую тему в той или иной мере интересна для нас. Как бы ни были туманны образы рабочих в романе Престона «Дилера», они свидетельствуют о том, что ни одна актуальная проблема не может быть разрешена писателем без «вторжения» новой идеологии. То же можно сказать о героях синглеровской «Малой стали». Они почти бесслотны, абстрактны, словно автор видит их издалека. Но они — носители положительных идеалов. С них сугубой связью надежды и чаяния самого писателя. И это отрадно.

Мы знаем уже писателей, которые видят и изображают нового героя с близкого расстояния, как это делает Джозеф Веллер в романе «Мужество», или Андре Филипп в романе «Сталь». Сквозь внешнюю серость изображения Кузнецова Бессе и шахтера Роша, сквозя «документальным» Андре Филиппа провешивают знакомые нам черты людей труда. Филипп подробно описывает производственные процессы — он их знает превосходно. Но он знает и людей, управляющих этими процессами. Терминский Югор Бессе и его товарищи, заглянув в глаза, увидели их на месте; — не что иное, как проявление морального превосходства пролетария над интеллигентными директорами и самими хозяевами фирм. «Рабы стали» знают себе цену, ибо начинают осознавать свое призвание. Но беда, что их имущество можно уложить в носовой платок. Когда-нибудь, может быть, совсем скоро, * на их улице будет праздник.

Так рождается новый герой в литературе. Он бродячий — «маленький человек», сплоснутого злыбного большого города, литература Европы и Америки подходит к теме «Большого человека». Подходят нетвердыми еще шагами, часто сбиваясь в сторону, но неутомимо и упорно снова возвращаясь к поискам.

Эти точки зрения интересны и книга американского писателя Уинселл Смиттера «Детройт» (* (F. O. V. Detroit) — «С достоянием в Детройте»). Роман не делает особой погоды. «Детройт», в сравнении с другими произведениями на эту тему, скорее отклонение в сторону, чем движение вперед. Но в книге Смиттера ярко показаны отношения между техникой и человеком в современном капиталистическом производстве, показаны люди, поработанные и искалеченные этой техникой.

Встреча произошла у заводских ворот. «Меня зовут Расс. А тебя? — спросил он.

— Меня Бенин.

— Я слышал, ты работал здесь раньше, тебе наверняка известны порядки.

— Да. Но опыты и стаж тут ничего не значат. Главное — попасть в бюро найма. Если ты прорвешься через эти ворота, есть надежда получить работу. Они ведь интересуются немногим. Хороший рабочий должен иметь прекрасное здоровье. Это главное. Но ты выглядишь очень здоровым. Не так ли?

— Безусловно, я здоров. Но что толку, если нет работы?»

Так Смиттер знакомит читателя с героями своего произведения. От лица Бенина ведется рассказ о Рассе.

Здоровая теория прибыла из Верхнего Висконсина. Занимался он всем понемногу, но на крупном предприятии никогда не был. К воротам завода Расса привела скромная мечта: заработать денег, и купить, моторную лодку для ловли раков. Может быть, у Холта (под этим псевдонимом не трудно узнать автомобильного короля Форда) удастся захватить деньги и на «грузовичок». Ведь Холт провозгласил лозунг: «Машины — это новый Мессия».

Расс — наполовину рабочий, наполовину крестьянин. У него нет квалификации индустриального пролетария, но нет и того, чем владеет крестьянин — собственности. Зато Расс — обладатель здоровья, физической силы, воли человека, стремящегося работать на себя, и немного — художник. Расс находится, упрям, с крестьянской «шуринкой». Но он еще не испорчен капиталистической цивилизацией. К заводским воротам — выторможен барьером между трудом и безработицей — принес пылающую мечту простого и наивного парня: «мощными мускулами, силой, сметливой головой зарабатывать счастье».

Маркс писал в «Немецкой идеологии», что у средневекового ремесленника сохраняется интерес к работе и к искусству труда. Этот интерес поднимается у него до степени некоторого художественного вкуса. Ремесленник, привязываясь к инструменту, служащему продолжением его мастерских рук, способен целком уходить в свою работу. Капиталистический рабочий равнодушен к работе, ибо сама трудовая процесс обесценил разделение головного и ручного труда, а тогда — с развитием техники — и полным выключением мозговой деятельности рабочего.

* Перевод сокращенного варианта романа Смиттера печатается в журнале «Индустрия социализма».

Смиттер в своем романе с большим мастерством изображает этот процесс обесценивания труда. Его герой в течение нескольких месяцев как бы форсированным маршем проходит через несколько исторических эпох развития трудового процесса: вышедший из деревни ремесленник заканчивает свой путь у конвейера.

Расс попадает вместе с Бенин в кузнечно-прессовый пех и после краткого обучения становится машинистом крана. Он получил свой рабочий инструмент — стальную машину весом в шестьдесят тонн. С любовью ухаживает он за каждой деталью кюссера-крана, ласково называя чудовище «старушкой Бетси». Он сросся с машиной.

Между работой крана и самочувствием, психическим состоянием Расс установилась крепкая взаимосвязь. К его мускулам добавилось 200 лошадиных сил. Он стремится охотничьи метать, аставляет его чувствовать, подчиняться воле человека, исполнять приказы с чистотой и точностью винтоза. И он добился совершенного слияния сознательной воли с механическим движением, — поднялся до искусства труда.

Но вот влюбленного в машину Расса ставят к конвейеру. Кузнечно-прессовый пех изжил себя, кран пошел в переделку. Растерянно стоит Расс у движущейся ленты. Простая, казалось бы, операция ему недоступна, потому что труд потерял для него всякий интерес и смысл. Автоматизм движения, не требующий никаких умственных усилий, вступает в противоречие с неуемной еще потребностью в творческом труде. Расс, привыкший любоваться своей работой как свободной игрой физических и интеллектуальных сил, неужел, неужел, рассевал. Однообразный шум мешал ему думать, а не думать, работал, он не может. Огромным напряжением воли Расс заставлял себя сосредоточиться. На мгновение ему кажется, что он включился в общий ход работы. И вдруг он снова начинает отставать, не поспевает за движением конвейера.

Прозвонил следующий: Расс слышал не с конвейером, а с движением ремня трансмиссии, издававшего правильно чередующиеся во времени щелчки. Пока число оборотов трансмиссионного вала соответствовало скорости конвейера, Расс делал точно свои манипуляции. Убыстрение хода конвейера разрывало единство, нарушало тональность трудового процесса и вызвало Расс из строя. Он был лишним в этом сборище людей-автоматов, так как не мог выключить свою волю, подчинить ее бесчувственному механизму.

Смиттер передает физическое ощущение напряжения до предела нервозности, опустошенности сотен людей, опустошенности, граничащей с безумием. Вокруг Расс — люди, искалеченные конвейером. Его сосед Джерри, одержимый навязчивой идеей «изобретать» особый вид... самоубийства. Читателя охватывает предчувствие чего-то нехорошего. Что-то должно произойти. Катастрофа действительно разыгралась. Маняк Джерри осуществил свое «изобретение» — бросился в момент выпуска чугуна в лужеющую печь. Это была месть хозяину — мистеру Холту.

Смерть товарища восстанавливает способность размышлять: «А что такая за штука — жизнь? Жил Джерри, и вот теперь от него осталось только две ямки, вытопанные на цементном полу за восемь лет стояния у конвейера. Восемь лет он ежедневно поворачивал один и те же движущиеся на каждый мотор — четыре прокладок: 1200 прокладок в час, 10 тысяч в смену, 3 миллиона за год, 24 миллиона за восемь лет. На шести миллионах автомобилей — прокладки, наложенные рукой несчастного Джерри. Таков итог его жизни.

Но размышлять некогда. Конвейер пуцен на полный ход. Снова его мертвящий ритм захватывает рабочих. На этот раз ненадолго. Бессмыслие нарушено. Ползет слухок: скоро на конвейер поступит блок подшипников с остатками Джерри. Воздух, пропитанный истерией, оглашается криком сошедшего с ума Хауса, рабочего пеха автоматов. Рабочие в бешенстве начинают разбивать станки...

Расс не стал автоматом. Его переводят в пробный пех. Тут он настигает несчастье: случилась неотсроченности — и он теряет обе ноги. В больнице он мечтает уйти из грязной клоушки — завода и заняться ловлей ракушек. Ведь иногда удается поймать настоящую жемчужину! Расс не знает еще, что он калека.

Да, роман Смиттера не делает погоды. Нарисованный им Расс — великая с маленькой метлой, с ограниченными интересами. Все свою неутолимую трудовую энергию он поставил на службу личному счастью. Но и это маленькое счастье не доступно, когда человек — даже большой и сильный — борется в одиночку. Смиттер вторым планом в романе показывает личную жизнь Расса. Ему встречается хорошая девушка, на которой он женится. У него родился сын. Казалось, все есть для счастья. Но нет того, что лежит в основе жизни — права на творческий труд, в котором только и обретает смысл жизнь.

Смерть Адома Волка из «Мужество» Джозефа Веллера объединяла людей его класса. Трагедия Расса отнесена его личным несчастьем, рядовым случаем. Он стал жертвой способа производства, системы машин, которые, как говорил Маркс, «справляющиеся временем года доставляют свои промышленные блага в убитых и раненых». Смиттер не поддался до обонений. При всем этом его книга дает богатую пищу для размышлений читателю, который эти обонения делает сам. Вольно или невольно, автор создал потрясающей силы обличительный документ против капитализма, показав жизнь людей труда, поработанных машиной.

«СЫН РОДИНЫ»

Книга негритянского писателя Ричарда Райта «Сын родины» отмечена критикой как лучшее произведение американской литературы 1940 года. Ее сравнивают по силе с «Гроздьями гнева» Стейнбека и «Американской трагедией» Драйзера. Это повесть о Биттере Томасе, которого ужаса-

ющие условия жизни американских негров сделали преступником. На страницах «Детей юркера» возникла полемика по поводу книги. Одни утверждали, что автор поступил слишком смело, «завел героя преступника и изобразил его без прикрас, а другие (например, Майкл Голд) заявили, что в бескомпромиссном реализме заключено главное достоинство. «Сына родины». Райт беспощаден в разоблачении капиталистической Америки.

Матэ Залка

Три года тому назад погиб Матэ Залка. Он был веселым, жизнерадостным человеком, чутким другом, вдумчивым писателем-большешником.

Он прошел большую и интересную школу жизни. Участник первой мировой войны, он многое испытал на фронте, в особенности на знаменитом плоскогорье Дорберо, о котором написал впоследствии свою поэмную книгу.

В 1916 году молодой венгерский офицер Залка попадает в плен на русском фронте под Луцком. С этого года начинается вторая жизнь Матэ Залка. Со многими иллюзиями пролетел он без сожаления. Уже в первые дни плена Залка много думает над проблемами войны и мира, увлекается пацифистскими идеями. Но пацифизм не долго влечет на Матэ Залка. Он знакомится с деятельностью большевиков, пересматривает свои взгляды и в конце 1917 года бывший пленный венгерский офицер становится большевиком, красноармейцем, командиром Интернационального полка.

Вместе со своим полком участвует Залка в ряде сражений на фронтах гражданской войны, вместе со своим полком громит белогвардейцев.

Еще находясь в рядах венгерской армии, Матэ Залка написал свой первый рассказ «Солдат». За этот рассказ венгерский фронтальный трибунал судил его и провозгласил казнить. В рассказе была написана правда о войне. Много писал Матэ Залка и в плену. Но по-настоящему пришел он к литературе после гражданской войны. В 1924 году он опять берется за перо. У него большой фронтальный опыт. Он поврал с пацифистскими иллюзиями. Он пишет о Красной Армии, о революции, о своем пути, он пишет о том, как пришел к революции бывший венгерский военнопленный. Об этом рассказывает одна из первых книг Матэ Залка «Храбрый портняжка», рассказывает ярко, искренно, правдиво.

Залка встречает комиссара Чапаевской дивизии, советского писателя Дмитрия Фурманова. Эта встреча многое озвучает в жизни Матэ Залка.

Они с первого взгляда полюбили друг друга. Писатель-большик, красноармеец, Матэ очень любит слушать рассказы Фурманова, многим делился с ним, многому у него учился.

Облик друга, писателя и комиссара постоянно стоял перед Матэ Залка и в его работе над книгами, и в боях на испанском фронте.

И когда в день 10-летия со дня смерти Фурманова была прикреплена маршальная доска к стене дома, где жил Дмитрий Андреевич, первую прочувствованную, горячую речь у доски сказал именно он, Матэ Залка.

Особенно любил Залка Красную Армию. Не раз ездил он в красноармейские части, не одно лето провел в красноармейских лагерях. Писал он из лагерей всегда был полны рассказы о бою, о мужестве, о том, как воспитывается в Красной Армии юноша, пришедший с завода или из колхоза.

Залка был одним из организаторов об-

рочной литературы, одним из первых создателей и руководителей боевого литературного объединения Красной Армии и Флота.

Его отмечала всегда оперативность и большая выслывость, тяга к знанию, будь то военное дело или литература. У него были большие творческие замыслы. В своих книгах он рассказывает и о Востриии, и о гражданской войне. Особенно привлекала его тема партийной жизни. Он умел горячо любить друзей и крепко ненавидеть врагов. Одной из лучших его книг была «Повесть о вечном мире». В этой книге, в известной мере автобиографической, Залка показал опасность пацифизма, показал, как герой его эти опасности презрел, отказываясь от пацифистских иллюзий.

Герой произведения Залка, вольноопределяющийся Пауль Корбе, пишет своим друзьям:

«Может быть, я одинок, может быть, моя речь никто не слушает, но я преследую одну цель, моя задача — заставить внимание людей на войне и разоблачить ее социальную ложь. Эту войну человечество не должно забыть. Людям следует запечатлеть ужас этой войны, чтобы будущее поколение не стало опять «готовым к войне».

Корбе отрицает всякую войну, провозгласит идею вечного мира, провозгласит идею «миротворцев» Вильсоном. Один из солдат говорит Корбе: «Господи, вольноопределяющийся, вы наверно честный человек, но если бы вы знали, что своими идеями вы служите лишь одним гадям и убийцам!»

Залка ярко и убедительно показывает весь путь Корбе к предельно пацифизма, к революционному пониманию войны. Мне пришлось принять участие в редактировании этой книги. Много вечеров проводил мы вместе с Матэ над рукописью. Он был очень придирчив к себе, просил сурово отнестись к каждому его слову. Книга «Повесть о вечном мире», несомненно, она из тех книг, которые будут жить долго, как «Гоним» Барбюса, как «Джамхи Хиттинс» Синклера.

Матэ Залка погиб на боевом посту. На испанском фронте, где он, генерал Дукак, «старый генерал», командовал Интернациональной бригадой, у него не оставалось времени для литературы. Он сражался. Он был любимым командиром, о нем слагались песни на всех языках мира. «Легендарный генерал народа, дривавший за свободу России и пришедший сейчас на землю Испания», — писал о нем один из бойцов испанской народной армии. Он остался верен себе. Делу борьбы, делу революции он отдал всю свою жизнь до последней минуты, до последнего вздоха.

...Этот год был боевым годом. Многие писатели вместе с Красной Армией приняли участие в боевых действиях в Хахин-Гола, в освободительном походе в Западную Белоруссию и Западную Украину, в борьбе с финской белогадарейшиной. И в походах мы всегда с любовью вспоминали тех, кто служил нам примером, — наших славных товарищей, бойцов, писателей, большевиков, — Дмитрия Фурманова и Матэ Залка.

Клемансо на экране

Американская кинофирма «20 век-Фокс» приступила к съемкам во Франции фильма о Жорже Клемансо, творце Версальского мира. Другой биографический фильм будет посвящен Мажино, при котором началось строительство названной по его имени французской линии укреплений. Оба фильма задуманы с целью пропаганды войны.

«Опасные мысли»

Майк Куни, сотрудник американской коммунистической прессы, выпустил под этим названием сборник своих фельетонов и стихов. Большая часть фельетонов посвящена борьбе против вступления Америки в войну.

М. ГУС

Племя младое, незнакомое...

Среди ста советских граждан в полтора раза больше детей в возрасте от 8 до 11 лет, чем среди ста граждан США. А на одного американского ребенка в возрасте от 0 до 7 лет приходится двое ребят советских!

На пороге XX века статистики подсчитали возрастную структуру 17 европейских стран и установили так называемый «стандарт 1900 года». Если возрастная группа от 0 до 15 лет составляет около 50 проц., такая структура является стандартной. Если младше возрасты составляют 30 в больше процентов, страна обладает прогрессивной структурой населения. Если же доля группы до 15 лет опускается ниже 25 проц., то структура населения регрессивна.

По данным переписи 1939 года, в Советском Союзе ярко выражена прогрессивная структура населения: дети от 0 до 15 лет составляют 36,2 проц., группа от 15 до 49 лет — 50,8 проц., старше 50 лет — 13 проц.

По статистическим данным середины 30-х годов, структура населения и в Англии и в США, не говоря о Франции, является регрессивной. В Англии детская группа (до 15 лет) составляет 23 проц., в США — 22,7 проц.

Такая незначительная доля младших возрастов в населения неизбежна в тех странах, где непрерывно повышается рождаемость и потому падает естественный прирост. Сравнительно с 1921—22 гг. в Англии в 1931 — 32 гг. рождаемость уменьшилась почти на две пятых — на 38 проц! Прирост населения в этой стране в 1935 г. почти втрое ниже, чем в 1914 г., в США — на 42 проц. ниже. Вот почему доля молодых поколений неуклонно снижается в этих странах империализма! И если смертность до 1914 года также сравнительно уменьшалась, то после окончания первой империалистической войны, когда смерть собрал такую гигантскую жатву, смертность в Англии уменьшалась неизмеримо медленнее и меньше, чем в конце XIX и начале XX века. И руководителем санитарной ассоциации доктор Хилл сделал такой «утешительный» прогноз для населения Англии при сохранении нынешних условий жизни: в 1967 г. дети до 15 лет составят только 10 проц. населения, а в 1997 году только 4 проц. Но это значит, что население Англии обречено на вымирание! И действительно, другой исследователем, пришел к выводу, что через 100 лет в 2035 году, на Британских островах будут обитать лишь 4,4 миллиона человек, — в десять раз меньше, чем теперь.

76 миллионов детей, подростков, юношей в возрасте не старше 20 лет — почти половина советского народа — по рождению своему может быть названа октябрьской, ибо эти десятки миллионов родились уже после свержения капитализма. 48 миллионов детей не старше 11 лет — поколение, родившееся в 1928 — 1939 гг., в эпоху социалистической реконструкции, в эпоху сталинских пятилеток. Почти три десятка всего населения страны составляют — детище эпохи победоносного и победившего социализма! Недавно на детской технической конференции юный энтузиаст грудающей техники воскликнул: «Надеюсь дожить до 2000 года!»

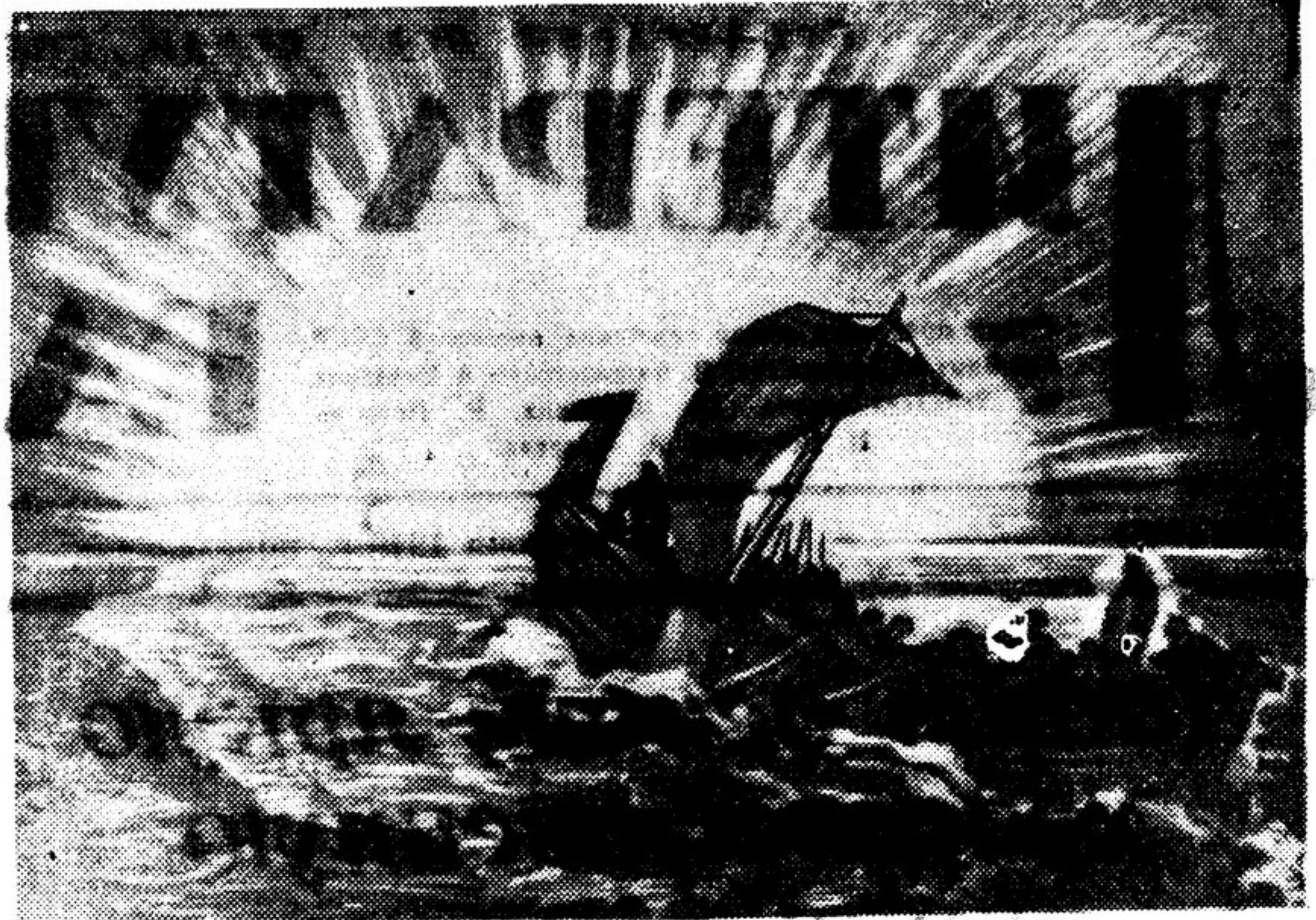
Ученые Англии презирают своей стране к началу следующего века вымирание, опустение. Будущие ученые нашей страны, ныне — подростки, мечтают о золотом веке человечества, о торжестве человеческого разума и воли над природой и твердо уверены, что воплотят эти мечты сами, своими силами, силами свободного коммунистического человечества!

Выслушав из уст Вотрепа объяснение механизма «кураторов общественного строя», Евгений де Растиньяк, молодой студент из бедной провинциальной дворянской семьи, погруженный в глубокие размышления. Он отрезвительно и воскликнул: «Я хочу трудиться благородно, свято; я хочу трудиться и ночью, хочу быть обязанным своим благополучием только собственному труду».

Растиньяк не сдержал ланной самому себе клятвы. Он избрал путь, указанный ему Вотрепом, добился знания и богатства, научившись «давать, гнуть спину, пресмыкаться, принимать гордый вид, лгать, скрывать...»

Юльен Сорель погиб на эшафоте, так как попытка применить эти же средства для достижения такой же цели. То, что удалось молодому, хотя и бедному представителю привилегированной части общества, стоило головы молодому выходцу из крестьянских слоев, Джек (герой одноименного романа А. Доде), незаконный сын парижского триесты, также не выстоял из пытки, не поднялся до уровня «приличной жизни»: она окончилась для него на большой койке. «История молодого человека» всегда была историей удачи одного из десяти тысяч, историей тяжелой, обделенной, рано обрывавшейся жизни сотен тысяч и миллионов.

Ведущий зачинатель новой, социалистической литературы, Горький в своих автобиографических произведениях рассказывает, как труден путь каждого, кто в условиях бесчеловечного общественного строя хочет из мальчугана, из подростка превратиться в действительного человека, а не в члеловечье-образное животное, подобное Василию Семенову или любому другому «Хозяину».

Выставка эстонской книги в Москве, иллюстрация худ. М. Рауд к эпосу «Калевипегу»

За рубежом

«Юманите» на боевом посту

Как известно, по инициативе «социалиста» Сероля во Франции был издан декрет, по которому коммунистическая пропаганда карается смертной казнью. Декретом этим французская буржуазия и ее реформистские лакеи надеялись прервать деятельность коммунистов. Не можно ли воспрепятствовать пропаганде, идущей из народных глубин, выражающей чаяния и стремления трудящихся масс? Можно ли вызвать коммунистические листовки, переходящие из рук в руки и имеющие куда более внимательных читателей, чем любая чужаившая легальная буржуазная газета?

«Юманите», печатавшаяся нелегально, в подполье, имеющая очень ограниченные средства, выходящая в небольшом формате. Тремя читателями — мужчиной и женщиной — с волнением ждал ее «Юманите» срывавшая запуску люди, коммунисты выражали стремление к миру французских трудящихся масс и разоблачать преступные механизмы поджигателей войны и военных спекулянтов. Достаточно просмотреть последние номера газеты, чтобы убедиться, какие высокие и благородные цели ставит она перед собой.

«Юманите» в номере от 15 февраля в комментариях к парламентским дебатам о пенсиях престарелым указала, что на военные нужды тратится ежедневно миллиард франков, и что суммы, истребляемые на войну за четыре дня, достаточно было бы для уплаты пенсий престарелым за целый год.

«Юманите» в номере от 23 февраля опубликовала сообщение о том, что солдаты 27-го летнего полка отказались выходить на тыловые работы до тех пор, пока не улучшат их питание.

«Юманите» в номере от 11 марта оповестила о том, что концентраторные лагеря переводятся в северную Африку, где 60.000 рабочих будет послано на постройку дороги через Сахару и обречено на медленную смерть.

«Юманите» в номере от 15 марта

выразила радость по поводу победы советской мирной политики в Финляндии, провозгласив лозунг: «Да здравствует Советский Союз, оплот мира, да здравствует Сталин!»

«Юманите» в номере от 1 апреля привела выдержки из мужественных заявлений коммунистических депутатов перед парижским военным трибуналом; рассказала о пытках, которым подвергают арестованных рабочих; сообщила о трудящихся массов Франции с речью товарища Молотова на сессии Верховного Совета СССР.

«Юманите» в номере от 6 апреля в отчете о процессе коммунистических депутатов выразила чувства французского народа, заявив: «Пяти лет не пройдет, как народ освободит их»; протестовала против повышения окладов депутатов и сенаторов на 17.000 франков в то время, когда в каждой рабочей семье парит жестокая нужда; призвала рабочих бороться против предпринимателей и очистить профсоюзы от предателей типа Жуо.

«Юманите» в номере от 8 апреля оповестила о протестах в Швеции и Мексике против осуждения французских коммунистических депутатов; обратилась к народным массам с призывом выступить против репрессий, показать, что трудящиеся не желают жертвовать собой за Францию, которая поработала их; заклеймила «социалистических» вождей, несущих ответственность за декрет о смертной казни.

К парижскому нелегальному изданию «Юманите» нужно прибавить еще ее издание в Бордо, второе издание для солдат — «Трудящийся» в Перпиньяне, газету «Стенсель» на заводе Рено и ряд провинциальных газет.

Несмотря на террор, французская коммунистическая партия продолжает борьбу против империалистической войны, борьбу за мир. «Юманите», центральный орган компартии Франции, продолжает быть для французского народа источником света и надежды.

Ж. КЛИШАР

Повесть о забастовке

В издательстве «Вайкинг пресс» вышла повесть Менера Левина «Граждане — о забастовке 1937 года на сталелитейных предприятиях в Чикаго. Во время этой забастовки полиция стреляла в рабочих и убила 10 человек. Герой повести — либеральный доктор Мич Уитнер, оказавшийся случайным свидетелем расстрела. С этого дня он стал «искателем правды» и на протяжении всей книги так и не нашел ее. По тщательности описаний главных условий борьбы на металлургических заводах «Граждан» называют «пролетарской параллелью» аграрных «Гроздья гнева». Однако по художественной силе книга Левина не может быть поставлена в один ряд с повестью Стейнбека.

Использовать ее разумно — значит брать ее за воплощение ее в жизнь. Не сама собой устроится судьба каждого молодого человека в стране социализма, но его руки, его голова, его трудом его поведением...

Семьдесят шесть миллионов детей, подростков, юношей — золотой фонд человечества. Но они лишены того житейского опыта, каким располагают даже их старшие братья. Их счастье, что они не избежали страданий и трудности старой жизни. Поэтому в умы юных покоренных нередко закрадывается представление, что им все будет дано, от начала до конца, без усилий, забот и труда.

И мы недостаточно обращаем внимания на то, чтобы накопить у них новый опыт — чтобы они воспринимали и усваивали неземный закон жизни: Жизнь — это достоинство и свободы, Это каждый день за них идет на бой! (Предсмертные слова Фауста).

Теперь много внимания и заботы уделяют партии, правительству, комсомолу воспитанию молодежи в школе и в семье. Но с огорчением видим, что немало представителей юных поколений страдает такими недостатками, как самолюбие, легкое отношение к учебе, зазнайство. М. И. Калинин, встретившись 7 апреля с учениками старших классов Каунасского района Мокшиса, пожурил юношей и девушек: «Взгляните так, что можно, не развешивая, поместить такую речь в газету, но восклицая эти речи не возбудят ли больших восторгов, их осуждения. Конечно, вы молоды, вы еще не впереди. Если бы вам было за 50 лет, а бы вам этого не сказал...»

Молодые поколения, детище нашей великой эпохи, строители счастливого коммунистического будущего всего человечества, нуждаются в неослабном внимании, в неустанной помощи старших братьев, отцов. Коммунистическое воспитание, составляющее, как известно, задачу залая юного поколения, имеет перед собой такой богатейший и благодарный материал, как 76 миллионов людей, родившихся после победы Октября в стране социализма.

Если мы еще плохо изучили все величие этой задачи, не очень-то хорошо ее решаем, то большая вина падает и на нашу литературу. Благодарное дело А. Макареню, вырванное из его рук безжалостной смертью, должно найти продолжателей в десятках, в сотнях лучших писателей. 76 миллионов — более пяти в мире но существующая читательская аудитория. 76 миллионов детей, подростков, юношей социализма — более нигде в мире не существующий объект для изучения, материал для творчества, источник вдохновения!

Мы твердим нашим детям: перед вами открыты все пути. Вы — наше будущее, но имя вашего счастья мы боремся и работаем.

Это верно, конечно, но неверно то, что сплошь и рядом мы забываем сказать, и не раз и не два сказать нашим детям: — Вы счастливы, так как наверху спасены от участи молодых поколений всех предшествующих эпох в истории человечества. Но помните: вам дана возможность

Сложная и важная задача

С. ДУРЫЛИН

«Они наши спасители, эти писатели как Лермонтов и Гоголь...» — писал Юноша Чернышевский в своем дневнике, — и вновь, в другой записи, повторял: «Гоголь и Лермонтов кажутся неотделимыми, великими, за которых я готов отдать жизнь и честь».

Этот замечательный отзыв много дает для настоящего понимания того, какие чувства пробуждал Лермонтов в своих лучших читателях 1840—1850-х годов.

О Лермонтове написана целая библиотека книг и статей на нескольких языках (кстати сказать, библиотека, давно ждущая своего полного каталога). Но книга, которая была бы вполне параллельна по теме новой работе Кирпотина, в этой обширной лермонтовской библиотеке не найдешь. Кирпотин приводит ряд высказываний современников Лермонтова и позднейшие исследования его творчества, которые признают, что Лермонтов мятежник, но это был лишь романтический мятеж поэта, далекого от политической действительности своего времени, — это был, так сказать, мятеж без адресата, мятеж ради мятежа.

Единственным исключением из этой самолюбившейся мятежности Лермонтова, ни для кого было бы не опасной, является стихотворение на смерть Пушкина. На этот раз даже самые упорные защитники теории безадресного, романтического мятежа Лермонтова не могли скрыть, что стихи направлены были по самому точному, политическому адресу. Приказ Николая I о высылке Лермонтова на Кавказ был распиской, которую главный адресат дал в знак того, что стихи дошли по настоящему адресу.

Кирпотин поставил себе интересную, сложную и важную задачу: в романтической, общепризнанной мятежности Лермонтова найти такие же ясные политические мотивы, какие, без всякой романтической туманности, обнаруживаются в аналогичном стихотворении на смерть Пушкина. В романтическом мятеже Лермонтова исследователь поставил себе задачу найти элементы политического протеста, связующего Лермонтова с мыслью и мировоззрением переводчика отряда его современников (Герцен, Огарев, Белинский и др.).

«...Лермонтов — поэт огромной политической страсти» — говорит Кирпотин. «Его политические убеждения не успели окончательно оформиться; причина этого заключалась не в отсутствии политического интереса, а в условиях времени. Он складывался как личность и как писатель в первые годы после поражения декабристов, в полосу политического упадка, когда еще не были выработаны новые, демократические программы общественной борьбы».

Поэтому было бы ошибкой, извлечением исторической перспективы искать в стихах и прозе Лермонтова прямых отражений конкретных политических требований, которые гораздо позднее были выработаны в кружке Герцена.

Политическую тему Лермонтов в большинстве случаев осваивал не в прямом ее звучании, как это было впоследствии у Огарева или Некрасова, а в ее преломлении в зеркале романтизма. Прекрасное раннее (1829 г.) стихотворение «Жалоба турка» кажется отрывком из какой-то поэмы Байрона: так обделен его восточный колорит, так пламенная его романтическая тоска по свободному бытию. В действительности же это не отрывок из Байрона, а политическое стихотворение 15-летнего русского мальчика, страстно переживавшего горечь и уязву последнедекабрической России. Об этом неопровержимо свидетельствует Post scriptum стихотворения:

Ах! если ты меня поймешь,
Прости свободные намеки.
Пусть истину скрывает ложь:
Что-ж делать? — все мы человеки!..

Этот робкий, искренний Post scriptum драгоценен: он указывает нам, что у Лермонтова романтический образ часто «скрывает истину» политических высказываний, прямое выражение которых поэт считал невозможным в условиях тогдашней русской действительности. Эта приписка поэта к «Жалобе турка» дает нам право и в других его стихотворениях искать «свободные намеки» на такие его гражданские чувства и политические мнения, от прямого выражения которых в стихах он воздерживался.

В. Я. Кирпотин прав, когда ищет этих «свободных намеков» в лирике, в поэмах, в драмах и в прозе Лермонтова. Его поэзия во многих случаях приводит к истинным находкам.

Говоря о байронизме Лермонтова (тема, на которую написано больше работ, чем о самом творчестве Лермонтова), Кирпотин верно замечает: «Политические свободылюбие и недовольство окружающей действительностью создавали важные предпосылки, определявшие характер восприятия, казалось бы, чисто литературных влияний». Байронизм был литературной формой политического свободолюбия как у декабристов (Вяземский), так у Пушкина и, позднее, у Лермонтова и притом у каждого с особыми оттенками.

Кирпотин делает вывод, который, как мне кажется, следует принять биографам Лермонтова: «...Байроническая и романтическая литература была источником политического воодушевления и политического воспитания» Лермонтова.

Можно продолжить мысль Кирпотина. Юноша-Лермонтов, как о высшем счастье мечтал о том, чтоб из рук в руки передать лиру Байрона:

И молот; по киям на сердце звуки,
И Байрона достигнуть я б хотел.
И достигнуть не только в поэзии, но и в жизни:

У нас одна душа, они и те же мучки;
О, если б одинаков был уезд!
Байрон для Лермонтова, в его ранние годы, был не только «властитель дум»; он, сверх того, — образ достойной женственной судьбы. Лермонтов навсегда сохранил для себя живую восприимчивую силу этого примера.

В поэзии Лермонтова существует цикл «байронических» стихов (лучший пример — «Не смеял над моей пророческой тоскою»). Он описан не только, но все писавшие подчеркивали, что идея трагического избрания поэта, лежащая в основе этих стихов, принадлежит к общеромантическим идеям, свойственным целому ряду поэтов начала XIX столетия. Отличительное качество его «помазанное свыше» создано жизненным отрывом его от «толпы», а этот отрыв ветит «избранника» к гибели.

Кирпотин дает иное истолкование «избранничества» стихам Лермонтова.

Он подробно разбирает прямые, так сказать, политические стихи Лермонтова, вызванные событиями 1830 года («Предсказание», «Новгород», «Париж 30 июля 1830 года» и др.). В этих стихах Лермонтов дает непосредственный отклик на июльскую революцию во Франции, на народное волнение в России, вызванное появлением колеры и т. д. Во всех этих стихах Лермонтов, несравненно более злободневный, чем в другие его произведения, в печати при жизни Лермонтова, революционные зарывы 1830 года оставили другой, более глубокий след в его поэзии:

«1830 год, возбудив в Лермонтове предчувствия близких революционных потрясений, обогатил его представления о предназначенной ему избраннической миссии новыми чертами.

Меняния Лермонтова о провинциальной роли заметно обостряются и приобретают несомненный политический оттенок. Они выражены в стихах, насыщенных трагическим характером. Лермонтов говорит об ожидающей его неминуемой гибели, в лучшем случае — об изгнании. Поэт пишет о деяниях, совершающихся на всенародной арене...»

«Избранником» — по вдумчивому и свежому истолкованию Кирпотина — оказывается не романтический субъект, владеющий материалом романа. И если каждая страница имеет и сохраняет свою форму, то все в целом, группируясь вокруг магнита, образует форму замкнутого романа.

Роман «Знамя полка», с этой точки зрения, написан произвольно. Здесь нет строгого смысла слова, и нет идеи, могущей установить пределы повествования. По логике гражданской войны движется полк. Роман начал в первом понимании моменте движения, заканчивается он посередине его. Что заставило автора взять именно этот отрезок времени? Почему в первых главах умирает командир и организуя полк Романский? Почему друг его Чаплев является в начале романа уже мертвым, а в качестве главноуправляющего? На протяжении сотен страниц эти люди, естественно, не могут уже играть роли, на их месте — новые, но ради чего писатель предпочел вторых первым?.. И то и другое по всем признакам принципиально сходно.

Батальные и жанровые эпизоды, составляющие книгу, так слабо между собой связаны, что без ущерба можно из них легко было бы удалить. Можно сказать, что книга построена путем простого сложения, как арифметический столбик.

Весь распадается. Отсутствующие ощущения личной ответственности за избранную идею позволяют легко замешивать из разных источников, что прилагалось на вид: форму лирических отступлений, показавшихся эффектно, прием романтической гиперболическости. Слова теряют вес, они ложатся легко и так же легко облетают.

Степь присутствует в романе постоянно. Подобно хору греческой трагедии, она и не участвует в действии непосредственно и не участвует во времени, связанном с ней. Десятки раз описана она, — и сожалению, не очень выразительно. И начинается роман так: «Широки украинские степи». Это почти то же, что фраза: «Высоки казакские горы» или «Большая река — Волга». Это — как те слова, которые произносила толпа статистов за кулисами провинциальных театров, чтобы изобразить шум: «Что говорить, когда нечего говорить, что говорить, когда нечего говорить...» — смысла в словах нет, а шум есть.

Но вот первая глава романа, предназначенная служить как бы эпическим его началом.

«Широки украинские степи. Волны ковыля, спине окликие мотыги вдали, орды в голубой вышине. В степи небо кажется океаном, и плывут по его затишьям глани белые струи туч, и ветра поглотило их паруса. Степью вскорюлены поколенья предков наших, что оставили по себе высокие курганы, звучные песни, славы степных бож и походов. Слезами платили матери и жены за славу, за горечь изнеления пологового, и притягивали в степи слезы рассыпаны прозрачными солончакими, а плач звучит в песнях, трогая сердца потомков.

Застопаны, перепаханы, заросли травой и распались в прах кости безвестных ратников и коней из полку Игорева. Тиха и задумчива степь, памятниками бывших божьих курганов, и вечный ветер, то тихий и ласковый, то бурный и злой, овеивает их. Кем только, степь, твой простор не был выхожен, кто только не хотел твою владеть и зачерпнуть шлохом Дону... Отшумели бои, забылись и песни о них, лишь ты, степь, осталась все то же, что была столетия назад, как в дни полку Игорева и битв с половками; тихо шумишь ковылем и перешептываешься с ветром и травами о чем-то своем, мудром и большом.

Степями Украины лежал путь Первого полтарского полка.

Дав себе труд разобраться в «красивых» словах, читатель тщетно будет искать в них смысла. Здесь все замешано, все от литературных ассоциаций, а кое-что — противоречиво. Сначала сказано, что «спредки наши... оставили по себе... звучные песни». Потом: «забылись и песни о них» (о боях наших предков). И, наконец, в этой же фразе упоминаются «полки Игоревы»; хотелось бы получить объяснение, откуда, как не из песни, знает о них автор?

Повествование то и дело в неизвестной степью прерывается лирико-эпическими восклицаниями и отступлениями.

«Ну и кони! Таким коням дай дорогу полиннее и только вожжами тронь спины. — как погнут они, как помчатся, и попынет, побегит назад земля, сдвигаясь в четкое черное, мельбающее, неразличимое...»

«Птица-песня, тоско тебе в телушке, вырабатывай же тебе на просторы снежных полей».

Шольник скажет, какому образу подражает автор, воспроизведено здесь только внешнее сходство, только оболочка стиля.

Повествование льется безответственно, слова и образы применяются бесконтрольно.

Но этого не скажешь о таком отрывке: «...Здрав головы вверх, они смотрели на усеяные серебряными звездами голубые купола церкви, на потускневший золоченый крест колокольни. Но небу был легкий, прозрачные тучи. Они проходили над церковью так быстро, что казалось, будто высокая кирпичная колокольня вылезла на тихий церковный дворик, и купола беззастенчиво стлакивались, спешили за ней».

Иско же, что это стоит больше, чем десятки иных страниц, исписанных заемными красноречиями. А между тем и эти строки написал Леонид Штутов.

Можно было бы указать в романе десятки удачных характеристик. Хорош пудеметчик Анастасенко, этот поэтически мечтательный герой, по-настоящему характерный адютант полка Гаврилик, абсолютно закончен лаконичски нарисованный портрет совсем уж второстепенного человека в романе — хуторянина-кулака Панченко.

Но подобно тому, как нет в романе главной идеи, нет и нем и главного героя. Внимание автора раздроблено, он заставил нас спешить за ним по страницам книги, не дав времени сосредоточиться, узнать героя, привязаться к нему. Полк переходит с позиции на позицию, тачанка мчатся по степи, шнепы стучат по рельсам — это хорошо, в этом есть динамика, но дайте читателю возможность получить разглядеть в пыли, в дыму и в грохоте сражения то, что интересует его в книгах, в первую очередь — человека. В книге есть красочные описания походов, тша-

Вл. НЕЙШТАДТ

ПЕСНИ О ВОЖДЕ

Песнетворчество советских народов в своих лирических и образных формах убедительно раскрывает всему миру, чего добилась советская страна на фронте борьбы за освобождение человечества. Вот почему необходимо перевести песни советских народов на западноевропейские языки. Мир должен знать основной тон жизнеощущения советских народов.

Киевское издательство национальных меньшинств выпустило на немецком языке сборник народных песен, а также стихов и песен советских поэтов, посвященных товарищу Сталину. «Генню свободны» — называется этот сборник. Образы Ленина и Сталина красной нитью проходят в советском песнетворчестве. Неисчислимы песни, посвященные вождю и другу народов, под руководством которого другая разностная жизнь в великой стране. На всех языках Союза «от хладных финских скал до пламенной Колхиды» слагают и поют эти песни. Ибо:

Сталин, твой луч обогрел мое сердце,
В каждое сердце находит он сверну,
Радость, любовь и тепло свое льет,
Сила и молодость в сердце живет,
Сила и молодость в сердце крепчает!
Песнями сердце тебе отвечает
За теплоту, за счастливые дни.

Не только от своего имени, но и от имени всех народных певцов, сказителей, ашугов, баши и акынов говорят этими строками акын Дамбул. Песни великому Сталину идут от сердца, потому что они так замечательны.

Но почему они требуют и величайшей бережливости к себе при переводе. Сборник немецких переводов этих песен, выпущенный Киевским издательством, отмечен именно этим качеством. Коллектив немецких переводчиков, возглавляемый Эрхом Вайпертом (составитель и редактор сборника), с любовью и тщанием отнесся к своей задаче. Среди переводчиков, выступивших в этом сборнике, отметим Гуго Гуинтера и Фрэнца Ленишера, уже зарекомендовавших себя мастерской передачей Маяковского на немецкий язык.

Надо сказать, что перед переводчиками стояла задача величайшей трудности. Если существует известный опыт в передаче русского стиха на немецкий язык, то менее всего он затрагивает как раз область русского народного стиха. Еще менее или совсем не передавалось на иностранные языки народное творчество Украины, Белорусии, Грузии, Армении и других народов СССР. Невозможным приходилось искать в немецком стихе новых путей и в области ритма, и в области мелодики, и в области всего образного строя речи. При этом они не всегда могли обращаться непосредственно к подлиннику, ограничиваясь иногда построчником, а порой (как это выдают некоторые немецкие переводы) и готовым русским художественным переделанием. Такая работа через двойную призму не всегда позволяет в полной мере уловить дух и особенности подлинника. Получается слишком большое сглаживание, и различные национальные формы начинают звучать несколько однообразно. Но, насколько позволяло это ограничивающее условие (незнание языка подлинника), переводчики со своей задачей все же справились. Некоторые из их переводов пойдут в фонд немецкой поэзии.

Вышедший сборник не мог, разумеется, охватить все песенное богатство народов СССР, связанное с великим именем Сталина. В сборнике представлены 92 песни 24 народов и 14 стихотворений немецких поэтов. Это только малый рючек того могучего песенного потока, в котором освобожденные народы изливают свою любовь к вождю. Но и этот малый рючек раскрывает уже немецкому читателю величайший образ гения свободы, благодаря которому народы получили новое радостное жизнеощущение.

Молодой Чернышевский, благодаривший Лермонтова за «спасенье» от уныния, лжи и самолюбования царской, официальной России, не читал ни «Предсказания», ни стихов на июльскую революцию, ни многого другого, в чем звучат для нас политические мотивы Лермонтова и что так тоскливо в те годы в никому недоступных бумагах погибшего поэта. Но Чернышевский несомненно читал «Мцыри» и «Песню про... куца Калашникова», несомненно перечитывал какой-нибудь из списков запрещенного «Демона», и в них, как и в других стихотворениях Лермонтова, обретал ту страсть политического протеста, ту устремленность к политической борьбе, за которые был так благодарен Лермонтову, что готов был за него «отдать жизнь и честь».

Если б не было никаких других ланых, то одно признание Чернышевского давало бы Кирпотину право на вывод, каким он оканчивает свою книгу:

Лермонтов — «...соединительное звено между декабристами и демократической русской культурой, сформировавшейся в тридцатых и сороковых годах... Лермонтов не отщеплен, не человек, стоящий вне направлений. Творчество Лермонтова — отражение здоровья народа, его непокорства, его неиррациональности к гнету и насилию...»

Dem Genius der Freiheit. Dichtungen um Stalin. Staatsverlag der Nationalen Minderheiten der USSR, Kiev.

С. СОЛОВЬЕВ

Напоминание о долге

Когда мы читаем новую книгу о больших людях современности, а тем более людей любимых и хорошо известных миллионам — Ленину, Горькому, Маяковскому, мы находим в них новых черт, которые дополнили бы в нашем представлении знакомый образ. Мы невольно сопоставляем новые факты с теми, которые были нам уже известны, и остаемся автору благодарны, если образ большого человека обогащен и усилен.

Из прежних книг подобного типа одна из самых замечательных — книга Эккермана о Гете, которая раскрыла нам этого большого человека с предельной всесторонностью и мы сказали бы, — с самооткровенностью. Из недавних книг невольно вспоминаются записки Горького, в которых не только необычайные по силе страдания о Толстом, но и боглые заметки о Блоке и Есенине и др. показывают такое удивительное проникновение во внутренний мир человека, которое кропотливыми исследованиями лишь порой достигали своим трудолюбивейшим биографическим анализом.

Книга Никулина внешне строится в таком же плане — воспоминаний и встреч; наиболее значительные и обстоятельные из них — отрывки о Горьком и Маяковском. В них мы находим много интересных наблюдений. Однако и по поводу этих очерков нам хотелось бы сделать несколько замечаний.

В кино есть распространеннейший прием, согласно которому — если вы хотите осветить человека, то сами должны уйти в тень. В воспоминаниях о великих людях это не только желательно, но и необходимо; конечно, автор здесь не просто стоит, но топящая, воспримчивая мембрана, которая должна передать и расширить колебания, идущие от замечательных людей при общении с ними. Книга Никулина в большой степени автобиографична. Прочтя ее, мы хорошо поставим все этапы прохождения жизни Никулина среди великих людей и обогащение его жизни от этих встреч. Сам по себе процесс необычайно значительный — мы как бы в прекрасной школе и невольно учимся вместе с учеником. В некоторых случаях это учение для Никулинашло непосредственно, как например, при общении с Горьким; в других случаях — косвенно; присутствие при интересных спорах, встречи с замечательными людьми. Описание подобных моментов в книге Никулина очень интересно. Однако, начиная с какой-то минуты, это кажется нам недостаточным — мы хотим объективизировать впечатления, мы хотим, чтобы человек, о котором идет речь, начал жить в нашем восприятии как независимый образ, чтобы он был раскрыт не только для Никулина, но и для читателя.

Никулин пишет: «Белая колоннада оттеняет зеленую — листовых столетних деревьев. На ступенях крыльца стоят два человека: Ленин и Горький. Издали, с биением сердца, смотрю на Ленина и Горького, двух великих людей эпохи. Это мгновение запечатлевается в памяти как моментальный фотографический снимок. Прошли горы, я закрываю глаза и вижу в живых, неугаанных красках белую колоннаду в Таврическом саду. Ленина и Горького на ступенях крыльца».

И затем переходит к другим эпизодам. Признаем: читая книгу, мы увидим Никулина — писателя, имевшего возможность общаться с замечательнейшими людьми эпохи, или хотя бы их видеть, но именно поэтому мы и требуем от него живого, образного рассказа об этих встречах. Они «запечатываются в памяти как моментальный фотографический снимок», говорит Никулин. Но нам кажется, что это еще не снимок, а «скрытое изображение» (по фотографической терминологии), которое следует проявить и которое, с сожалением, у Никулина очень часто так и остается непроявленным.

Жилые рассказы больших мастеров художественного слова и даже их манера чтения — это, по существу, явления.

Л. Никулин. «Жизнь есть деяние». Госизд-во «Художественная литература», Москва, 1940.

крайне характерные для раскрытия самобытного мира художника. Вспомним, как Тургенев описывал чтение Гоголя, как Горький удивительно показал чтение Есенина. Естественно, что чтение Горького является не только любопытнейшим процессом, но и крайне характерным для этого писателя. Мы читаем у Никулина: «Однажды Алексей Максимович убедил прочитать вслух свои рассказы. Я илюкга не думал, чтобы Горький мог так выразительно и вдохновенно читать. Это было особое искусство чтения, которое достучило только автору. Так не смог бы прочесть ни один актер».

И все. Изображение опять осталось непроявленным. Никулин не захотел показать читателю своеобразное это искусство чтения писателя, хотя, по признанию Никулина, оно было исключительно высоким.

Известно, каким блестящим рассказчиком был Горький, этот его дар очень высоко ценил Толстой. Никулин был слушателем блестящих импровизаций Горького, однако, он ограничился одним лишь перечнем эпизодов, рассказанных Горьким. И таких моментов в книге, к сожалению, много. Читатель на каждом шагу предъявляет к автору естественные и законные требования, но Никулин или вовсе не удовлетворяет их или удовлетворяет крайне неполно. Это вызывает чувство законной досады и даже негодования, потому что одновременно книга содержит и лишнее большое количество стороннего материала: публицистического, биографического и просто читательского.

Люди, про которых пишет Никулин, — величайшие люди не только нашей страны, но и нашей эпохи. Каждый из них самобытен и наделен особыми чертами. Не свойственными другому из них, с особой человеческой манерой возвышаться на окружающих. Это признает и Никулин в следующих словах:

«Нет ничего дурного в том, что люди хотят узнать многое о великих современниках. Люди радуются сознанию, что рядом с ними живет и мыслит большой человек, знающий цели и смысл жизни. Люди хотят знать, что печалит этого человека, что его радует, кто ему близок и каков он со своими близкими. Но как разнообразен и сложен большой человек!».

Разнообразен и сложен! А между тем Никулин словно вводит нас в атмосферу Пантеона; его преклонение перед описываемыми людьми окутывает их всех одинаковым облаком величия.

Приведем из книги ряд характеристик: «...Какое-то особое величие было в отчужденности его взгляда, в сдержанной страстности тона, в застенчивости, в сосредоточенном, полном значительности выражении лица».

«То был человек со «свообразным и благородным характером».

«Его живой ум, широкое знание, особое обаяние своеобразной природы...»

Он «...временами рисует как некая отдаленная, монументальная фигура, наделяемая особыми чертами характера, возвышаясь обыкновенному смертному».

«Опытный и своеобразный характер».

«Это был живой и страстный человек, с глубокими и сложными человеческими страстями и чувствами, с любовью к одним людям и неприязнью к другим».

Они «...проявляли долгим взглядом великого человека, признанного современниками, на вечные времена утвержденного в веках».

Эти характеристики настолько сложны, что мы находимся в затруднении: приписать ли их одному человеку или нескольким, а если и нескольким, то кому именно. И если мы скажем, что они характеризуют — по порядку — Горького, Вайяна-Гурьере, Войкова, то мы будем столь же мало удовлетворены, когда эти фамилии мы прочли бы в обратном порядке.

Образы Ленина, Сталина были созданы в литературе Горьким и Барбюсом, и после них книга Никулина — какое-то досадное умаление того великого долга, который лежит на писателях, знавших близко своих замечательных современников.

Восторженные раскрытия образов описываемых людей не удалось Никулину, по репортажному, штриховому материалу в его книге часто очень интересен.

Интересно описание встречи Горького с Уэллсом, когда обнаружилось, что эти люди, представляли полноразличные идеологии, но каждый по-своему последовательный и прямой, — фактически лишены общего языка в разговоре, так как мыслят взаимно перпендикулярно.

Но если в очерках Никулина нет той глубины, которая раскрывает в человеке неповторимое присущие ему черты, в них есть любопытное вымышленное собеседника, умеющего порой точно передать свое впечатление.

Жизнь Горького в Сорренто и под Москвой, встречи с Маяковским, Блоком, Барбюсом дают нам целый ряд не глубоких, но выразительных штрихов к характеристике этих людей. Когда-нибудь они должны литературные портреты этих людей, более обстоятельные и проникновенные.

А пока — книга Никулина не столько решает, сколько ставит перед нами вопрос о еще не оплаченном долге писателей по созданию в своих произведениях и воспоминаниях образов величайших людей нашей эпохи.

Изучение диалектов народов СССР

Проблема собрания говоров русского языка и других языков братских народов СССР обсуждалась на последней сессии отделения языка и литературы Академии наук СССР. Задача собрания и исследования местных говоров отделила пранало неологичной национальной задачей народов СССР. При отделении учреждена специальная диалектологическая комиссия, которая должна организовать при помощи наркомпрофа и научно-исследовательских учреждений собрание материалов по русскому языку по всему Союзу и руководить изданием лингвистического атласа русского языка.

Всего комиссии утверждено в составе академика С. Обнорского и членов-корреспондентов Академии Д. Ушакова и Л. Щербя.

Литературная газета № 32

«Знамя» № 2, 1940 г.

Трагедия Скотта

Есть такая всемирно известная книга: «Дневник капитана Р. Скотта».

Она составлена из записей, которые делал Роберт Скотт на пути к Южному полюсу, на самом полюсе, когда он убедился, что Амундсен побывал здесь раньше его, а также на обратном пути. Последние тетради дневника рассказывают о том, как путешественники сопротивлялись смерти, и о том, как они умирали.

Скотт и его спутники были умные, сильные люди, они были мужественны в страданиях и до последнего вздоха сохраняли лучшие человеческие черты: бесстрашие, преданность долгу и преданность товарищам.

Когда Скотт был уже в Антарктике, он узнал, что Амундсен желает опередить его на пути к полюсу. Амундсен готовил экспедицию на Север, но Пири открыл Северный полюс, и лавры победителя, запачканные сенсационным скандалом, по понятным вследствие претензий афериста Кукса, были уже отданы неумолимому американцу.

Тогда Амундсен бросается на Юг. Наука ничего для него не получила в результате открытия Пири, Северный полярный бассейн остался неизученным, но все равно: рекорд поставлен, больше на Севере делать нечего. Многоопытному норвежцу нужна слава, мещанатам, снабдившим экспедицию, нужна сверхприбыль на затраченный капитал, — если не Северный, то пусть Южный полюс!

Там на ледяном плато Антарктики оказались две конкурирующие группы. Амундсен имел много хороших собак, он достиг полюса первым и благополучно возвратился. Скотт был сжарен не так хорошо, он пришел на полюс месяцем позже Амундсена, при возвращении пять английских погибли.

Дневники и письма Скотта полны достоверности. Их оставил человек, который сделал все, что было в его силах.

Но в них есть и горечь и тревога.

Скотт не порицает Амундсена, он не унижается до упреков удачливому сопернику. Безжалостные законы конкуренции имеют свойство обесценивать самый бескорыстный подвиг, самые высокие стремления. Это сознавать горько.

Скотт не был чужим человеком в буржуазном обществе. Он не имел состояния, но он был все же законный сын того класса Англии, который владеет акциями и землями, которому принадлежат и Большой флот, и колонии, и парламент. И несмотря на это, его дневники и письма полны тревоги. Это — ощущение одиночества. «Рядом бога, не оставьте наших близких». Последние слова его дневника — слова человека, который, совершив подвиг, огляделся вокруг и увидел свое одиночество.

Теперь по дневникам Скотта написана книга для детей старшего возраста. Работа Татьяна Тасс имеет много достоинств. Путешествие Скотта хорошо рассказано — легко, кратко, тщательно отобранными словами. Хорошо описано движение по льдам — напряжение, опасность, тяготы растут, а силы — физические и моральные — слабеют. О многом автору приходилось догадываться, воображением дополняя скудные записи Скотта. Не всегда эти домыслы имеют силу правды, порой они ведут к близлежащим ассоциациям (например, характер Поинтинга, фотографа, имеет разительное сходство с той комической фигурой журналиста, которая так часто являлась в романах Жюль-Верна, а потом переключалась и в другие книги).

Книжка «Путешествие капитана Скотта» писать, наверное, было трудно. Не раз, должно быть, Тасс останавливалась перед вопросом: да нужно ли излагать заново содержание «Дневника», если он и сам способен воодушевить молодого читателя, внушить ему стремление подражать отваге, стойкости, благородству погибших путешественников?

Татьяна Тасс. «Путешествие капитана Скотта». Детиздат. 1940.

По книге написана и, значит, автор решил для себя эту дилемму положительно. Дневник Скотта имеет все преимущество подлинника. Он полон. Он точен. Он поражает воображение той острой выразительностью, которая есть свойство подлинного человеческого документа, свойство, лишь изредка приобретаемое произведениями литературы.

Изложение «Дневника» должно было бы полемизировать с подлинником новыми оценками и новым взглядом на вещи. Трагедия Скотта автор должен был увидеть с высоты прошедших десятилетий, с вершин сознания и опыта, недоступных капитану британского флота. Лучше, чем Скотт, написать нельзя. Позже и иначе — следовало.

Книга Татьяны Тасс вынуждает своего читателя гордиться за человека — победителя природы, неустрашимого, пылкого и благодарного. Она заставляет понять и запомнить те прекрасные строки из Тениссона, которые написаны на памятнике Скотта:

Бороться и ждать,
Найти и не сдаваться...

В этом ее достоинство.

Но она не заставляет подумать о другом: о подлой расточительности классового общества, о безумной растрате человеческих людских сил. В этом ее недостаток.

С точки зрения Скотта, его гибель — результат белой пены неудач, среди которых неблагоприятные метеорологические условия сыграли главную роль. В этом есть правда, но только часть ее.

С точки зрения нашего современника, правда о гибели Скотта может быть выражена так: капитан Скотт погиб потому, что он, честный, смелый, самоотверженный исследователь, жил в обществе, в котором корысть и конкуренция, сутяжная погоня за славой и рывающиеся к себе подобным, равнодушие к интересам человечества господствовали; потому что на борьбу с природой он вышел один...

Можно представить себе недоумение подростка — читателя книги Тасс: как же так, скажет этот свидетель часовниковой, напавшей и саратовской эпохой, — у Амундсена были хорошие собаки, у Скотта не было, почему же один не помог другому в достижении полюса, которое нужно было всем людям, почему не объединили они свои разрозненные силы?

Это наивный, но хороший вопрос. Если бы книга отвечала на него, она имела бы значение в некотором смысле более высокое, чем полные дневники Скотта.

Четверть века назад, когда шведский Скотта были впервые опубликованы, оказалось, что они ударили прямо в сердце английскому буржуа. Это сердце было растрогано родительскими заботами капитана, и несколько месяцев не было в Англии гостиниц, в которых бы не выжила от вдовы и сироты-сына капитана Скотта. Кошельки благотворителей открылись, и леди Скотт оказалась владелицей изрядного капитала.

Гибель Скотта была понята как трагедия семьи, потерявшей главу и кормильца. Добродетельные мещане не догадываясь о ее социальном смысле.

Книга Тасс открывается главой о мальчике, который стоит на лондонской улице, перед витриной книготорговца. Одинокий мальчик, он стоит под дождем и пристально разглядывает старые книги о путешествии, атласы и словари. Это сын капитана Скотта.

Потом начинается описание путешествия, история гибели Скотта, и привнесены те предсмертные письма, в которых Скотт тревожится о судьбе жены и сына. Мальчик в книге больше нег. Его подлинное значение многозначительно. Получилась повесть о том, как осиротел мальчик. Это должно трогать...

Так восстановлен семейный вариант драмы Скотта.

Хорошо написанная книга не радует нас новизной мысли. Дневники Скотта умело изложены и беллетризованы, но как досадно, что автора не вдохновила задача более высокая — задача нового их осмысления.

Новые стихи

Ярослав СМЕЛЯКОВ

ОЩУЩЕНИЕ СЧАСТЬЯ

Верь мне, дорогая мой,
Я эти слова говорю с трудом,
но они пройдут по всем городам
и войдут, как странники, в каждый дом.

Я вырвался, наконец, из угла
и всем хочу рассказать про это:
ни звезд, ни гудков —
за окном легла
маяская ночь накануне рассвета.

Столько в ней силы и чистоты,
так бьют в лицо
предрассветные стрелы —
будто мы вместе, один, будто ты
прямо в сердце мое посмотрела.

Отсюда, с высот пяти этажей,
с вершины любви,
где сердце тонет, —
весь мир — без крови, без ружей
мне виден, как на моей ладони.

Гор — не измерит и рек — не счесть,
и все в моей, в человеческой, власти.
Наверное, это как раз и есть,
что называется, — полное счастье.

Вот гляди:
я поднялся, стал,
подошел к столу — и, как ни странно,

этот старенький письменный стол
заиграл звучнее органа.

Вот я руку сейчас подниму
(мне это не трудно — так, пустяки) —
и один за другим, по одному
на деревьях распустанся лепестки.

Только слово скажу одно,
и, слыша его, издали,
бесшумно, за звенев звеню,
на землю опустится облака.

И мы тогда с тобою вдвоем,
полны ощущенья чистейшего света,
за руки взявшись, меж них пройдем,
будто две странствующие кометы.

Как я свободен и как велик,
на какие вершины я поднимаю! —
Как по мраморной лестнице,
по страницам книг

я сегодня вошел в дворец коммунизма.
Двадцать семь лет неудач —
если мир — пустяки —
в честь любви —

украшали флаги,
и я, победев, пишу стихи
о тебе, на листьях нотной бумаги.

НОЧНОЙ ШТОРМ

Когда пароход начинает качать —
из-за домов, из мрака
выходит на берег поспускать
знакомая мне собака.

Где волны грозятся с земли стереть,
клубится пучина злая,
нечего, кажется, ей стеречь,
не на кого лаять.

Высокий вал,
пространство размерив,
растет,
в полове силу развив,
и всплыв уходит, об каменный берег
морду свою разбив.

Уходит вал. Приходит другой —
сидит собака — ни в зуб ногой,
Все уряди уши — однако
упрямо сидит собака.

Закрывает подвезды. Выключен свет,
Лишь поздний пройдет гуляка.
Давно уже время домой. Ан нет —
все также сидит собака.

Все такие глядят на ревущий вал,
И я сошлюсь на трушу,
что в этой собаке предполагал
родственному мне душу.

Так как же, с недавней поры,
гудя, ронкая, звеня,
море вытаскивает из коюры
и тащит к себе меня.

Разве я знал, что брызги твои,
что черная эта вода
крепче вина, солоней любви,
сильней моего труда?

Тамным-темно,
ревет груб,
— Я здесь, давно,
— Я слышу тебя.

Пусть все уйдет,
пробив отбой.

— Я здесь, Я тут,
— Я рядом с тобой.

Меня одного здесь тоска жала,
стою один —
ни огней,
ни звезд,
И даже собака, поджавши хвост,
стыдливо трусится домой сбжевая.

Так те, что твой обожан покой,
твою под солнцем мерцанье,
спокойно уедут.
И даже рукой
забудут махнуть на прощанье.

А поближе берег сейди
и мерное волн рокотанье,
волнопродной пресной водой
смоют воспоминанья.

Куда мне умчаться, себя илкая,
как мне о черной забыть волне,
если оно ворвалось в меня,
если клочок оно во мне?

Куда ни направлю отсюда шаг,
в какую ни кинет меня полосу —
шум его унесу в ушах
и цвет его в глазах унесу.

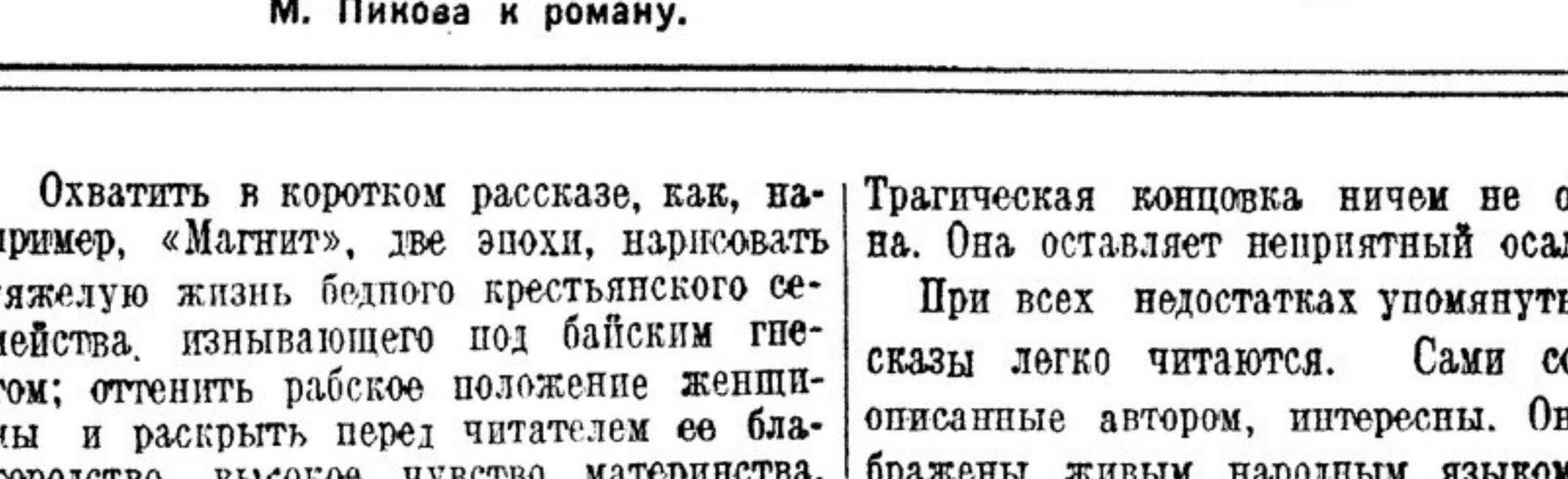
Волна за волною ревет, крутится,
а я один — уже столько лет! —
стою, усталю облокотясь
на этот каменный параван.

Будто от тела руку евюю,
саби от него оторвать не могу.
Как одержимый, стою и стою
на залитом пеною берегу.

Когда же,
разбитый,
полуиной,
уйду наконец, —
у волны на скате
сразу вырастет сторожевой,
всю ночь оставшийся в море матер.

1940 г.

В издательстве «Советский писатель» в ближайшем время выходит роман Эмиль Давидова «Из Гоши гость». На снимке: заставки работы художника М. Пикова к роману.

Вторая жизнь

Ник. МОСКВИН

Произведение искусства живет для нас
даждь: в момент соприкосновения с ним
и после — в памяти, в мыслях, вызван-
ных им.

И эта вторая жизнь — призрачная.
Ее, конечно, не ждешь, если первая была
немошна — «была без радости любовь,
разлука будет без печали». Но ее ожи-
даешь, когда произведение искусства вос-
принято нами живо, бурно, «с захватыва-
ющим интересом»... Однако вот перевер-
нута последняя страница или опущен в
последний раз занавес, и... неожиданно
видения, порожденные произведением, от-
летают от нас. Как после дневного сна
са, мы журысь, выходим из темноты на
солнце. Несколько шагов в забыты, и вот
уже различно: и улица, и люди, и
дома. Очарование исчезло, очарование кон-
чилось... Второй жизни нет.

В повести «Буря» ленинградских пи-
сателей Вс. Воеводина и Евг. Рысс обоз-
начается, на наш взгляд, вторая жизнь.
Двадцать семь лет неудач —
если мир — пустяки —
в честь любви —
украшали флаги,
и я, победев, пишу стихи
о тебе, на листьях нотной бумаги.

Вот гляди:
я поднялся, стал,
подошел к столу — и, как ни странно,

этот старенький письменный стол
заиграл звучнее органа.

Вот я руку сейчас подниму
(мне это не трудно — так, пустяки) —
и один за другим, по одному
на деревьях распустанся лепестки.

Только слово скажу одно,
и, слыша его, издали,
бесшумно, за звенев звеню,
на землю опустится облака.

И мы тогда с тобою вдвоем,
полны ощущенья чистейшего света,
за руки взявшись, меж них пройдем,
будто две странствующие кометы.

Как я свободен и как велик,
на какие вершины я поднимаю! —
Как по мраморной лестнице,
по страницам книг

я сегодня вошел в дворец коммунизма.
Двадцать семь лет неудач —
если мир — пустяки —
в честь любви —
украшали флаги,
и я, победев, пишу стихи
о тебе, на листьях нотной бумаги.

Пусть все уйдет,
пробив отбой.

Вот гляди:
я поднялся, стал,
подошел к столу — и, как ни странно,

этот старенький письменный стол
заиграл звучнее органа.

Вот я руку сейчас подниму
(мне это не трудно — так, пустяки) —
и один за другим, по одному
на деревьях распустанся лепестки.

Только слово скажу одно,
и, слыша его, издали,
бесшумно, за звенев звеню,
на землю опустится облака.

И мы тогда с тобою вдвоем,
полны ощущенья чистейшего света,
за руки взявшись, меж них пройдем,
будто две странствующие кометы.

Как я свободен и как велик,
на какие вершины я поднимаю! —
Как по мраморной лестнице,
по страницам книг

я сегодня вошел в дворец коммунизма.
Двадцать семь лет неудач —
если мир — пустяки —
в честь любви —
украшали флаги,
и я, победев, пишу стихи
о тебе, на листьях нотной бумаги.

Пусть все уйдет,
пробив отбой.

Вот гляди:
я поднялся, стал,
подошел к столу — и, как ни странно,

этот старенький письменный стол
заиграл звучнее органа.

Вот я руку сейчас подниму
(мне это не трудно — так, пустяки) —
и один за другим, по одному
на деревьях распустанся лепестки.

Только слово скажу одно,
и, слыша его, издали,
бесшумно, за звенев звеню,
на землю опустится облака.

Автор «Бури» не делают этого.
Главный недуг из темного лагеря —
Мапейс — вызывает у основного героя,
от лица которого идет повествование,
довольно продолжительную симпатию и своим
внешним видом и характером: Мапейс
хладнокровен, самоуверен... Но вот его
друга — Егешку — авторы, казалось
бы, хотят пустить по проторенному пути:
опорочить человека его неприглядной
внешностью. Но нет, авторы умело выби-
рают такие внешние черты, которые рас-
крывают внутренний мир Егешки, его ум-
ственный уровень. Вот Егешка лежит на
кровати, голый до пояса. Тело его распи-
сано татуировкой:

«Пониже груди на месте, называемом
«под ложечкой», орел уносил в когтих
девушку с распущенными волосами, и вдоль
ребра шла надпись: «До свиданья, Нюрочка»;
на плечах, главным образом, были
изображены якоря и рыбы, а против
сердца красовалась такая пакость, что
даже сказать нельзя. Живое человеческое
тело напоминало гонимый забор, на ко-
тором поупражнялся в остроумии компа-
ния хулиганов».

Но безупречна ли повесть? Нет, не
безупречна. В ней есть некоторая «об-
легченная художественность», которую у
нас нередко и охотно прощают литера-
туре, рассчитанной не на взрослого чи-
тателя. В чем это выражается? Главным
образом в обеднении внутреннего мира ге-
роев. Им в этом случае отступается, так
сказать, не комплект, а только подком-
плект или четверть комплекта чувств.
Особенно это бывает заметно по второму
персонажу. Главный герой повести «Буря»,
Сюсарев, показан полно: мы все о нем
знаем, всего его чувствуем. Но вторые
персонажи: капитан Ступенин, помощник
Овчаренко, капитан Голубицкий и Си-
зов, в сущности, мало различимы. Они,
точно по шаблону, все одинаково благо-
родны, одинаково мужественны, одинаково
хладнокровны. Хотелось бы индивидуаль-
ности. Капитан Силов с удовольствием, об-
лизываясь, ест рыбий жир — это не
плохо, но авторы должны согласиться,
что одна эта черта на четырех взрослых
людях недостаточна.

Эпиграф к повести авторы взяли из
Бальзака: «...обыкновенные человеческие
свойства приняли характер возвышен-
ный». Иногда в повести эти свойства пре-
ходят в утрированное хладнокровие.
Трагично сидит на камнях с пробитым
ломом, а несколько человек, оставшихся на
суше, ведут весьма утешный и весьма
благодушный разговор. Чуть изменяет ав-
торам и тогда, когда они позже, но в той
же опасной обстановке, заставляют своих
героев много, очень много смеяться. Так
же противостоит организация (хотя и
несостоявшаяся) кинотеатра во время
12-бального шторма. Всем сказанным
(если бы авторы удержались этим) можно
скомпрометировать искусство.

Из частностей хотелось бы отметить
фигуру Аггекана, она литература, она в
повести — на прибавке из Жюль-Верна.
Да и не только Жюль-Верна любил в ка-
кую-либо экспедицию записывать чужда-
чуждого. Так же точно литературные
интересы заставляли авторов послать ге-
роя и девушку в опасный путь на лодке
с двумя бандитами.

И еще одна мелочь, но мимо которой
никак не хочется пройти. Авторы несколь-
ко раз употребляют глагол «кушать». Это
слово это неприятно в быту и совершенно
нетерпимо в литературе. Люди, кото-
рые блуждают в поисках культуры, а по-
тому тянутся к деликатной, великой
речи, охотно проносят: «мы кушали»,
«когда будем кушать?» и даже «я хорошо
кушал». Это звучит так же комично и
глуповато, как если бы сказать вместо
«мы шли» — «мы шествовали» или
вместо «я сказал» — «я изрек». Подоб-
ные выражения без проницательного от-
ношения автора не могут быть, на наш взгляд,
употребляемы в литературе.

Все недочеты книги хочется отметить в
досадных и неожиданных, которые потру-
но устранить перед вторым изданием. Сю-
жетная сложность книги вызывает же-
лание увидеть повесть на экране.

Вс. Воеводина и Евг. Рысс, «Буря»,
Детиздат. 1939 г.

Е. ЛЕВКИЕВСКИЙ,
М. ШАКИРДЖАНОВ

КОНТРАСТЫ

Таджикский писатель Рахим Джалиль
недавно выпустил сборник стихов и рас-
сказов. Это уже вторая книга Джалиля.
В 1933 г. вышел сборник его стихов
«Волны победы».

Стихи Джалиля, помещенные в первом
сборнике, слабые. В них нет поэзии. Во
вступительной статье к сборнику писатель
Рахмо Абдулло критикует трактовку по-
этом общественно-политических тем, но
о поэтических особенностях творчества
Джалиля умалчивает. А между тем, если
бы поэзия молодого писателя была по-
вергнута серьезной критике, вряд ли Ра-
хим Джалиль поместил бы свои стихи во
втором сборнике.

Во втором сборнике Джалиль помещено
всего шесть стихотворений. Отсюда можно
предположить, что отбор был строгий. А
если так, то оценка этих стихов может
служить оценкой поэтических возмож-
ностей автора.

Поразает в этих стихах столь не-
обычное для восточной поэзии почти пол-
ное отсутствие эпитетов и синонимов. По-
ряда ли эта особенность есть результат
исследования писателем традиций восточной
поэзии? В этом случае поэт должен был
бы найти какой-нибудь эквивалент. Одна-
ко стихи Джалиля не отличаются ни
точностью слова, ни свежестью образа,
ни эмоциональной насыщенностью. Поэти-
ческий словарь беден, сбивается на газет-
ный.

Рахим Джалиль. «Стихи и рассказы».
Таджикгосиздат.

Литературная газета

Публицистичность стихов подчерк-
нута, но будучи облечена в сколько-
нибудь оригинальную форму, ничем не от-
ражена. Чувства поэта, его восторжен-
ность не могут волновать — они декларативны. Вот как поэт пишет о летчике
(мы даем поэтический перевод):

Ты — храбрая героиня, наша эпоха
гордится тобой.

Ты — смелая, рука твоя тверже всех
смелых.

То, что я вижу — не сказка, но сон
и не фантазия.

Ты паришь в воздухе, как перо,
имеющая крылья и оперение.

Ты вздрагиваешь с леба на новые города
и селения

И взором своим обозреваешь
государство.

Природа, склонившись перед тобой,
повинуется тебе.

Теперь твой путь проходит близ
солнца и луны.

Можно ли такое сухое и скучное опи-
сание возможностей летчицы, такое баналь-
ное сравнение ее полета, такое не напо-
минающее волнение воскалицания называть
поэзией? Конечно, нет. Стихи Джалиля,
помещенные в сборнике, неподатливы, и,
пожалуй, не стоило бы о сборнике гово-
рить, если бы рядом со стихами не были
напечатаны прозаические произведения
писателя. Рассказы же Джалиля стоят
выпукло.

Таджикская проза молодая. Традиции в
ней еще нет. Если не считать Айни, стар-
шего писателя Таджикистана, можно
назвать только одного советского прозаика
— Карима Дайкина. Неудивительно, что
интерес, с каким встречается каждое но-
вое прозаическое произведение, велик.

Охватить в коротком рассказе, как, на-
пример, «Магнит», две эпохи, зарисовать
тяжелую жизнь бедного крестьянского се-
мейства, изымающего под байским гнетом;
оттенить рабское положение женщи-
ны и раскрыть перед читателем ее бла-
городство, высокое чувство материнства,
это — с одной стороны. А с другой —
показать, как начинается новая жизнь,
как дочь этой женщины вступает в кол-
хоз; как со всей ее жизнью сплелась
параназала; как дни ее начинают звенеть
трудовыми. Поставить ее в центре
общественной жизни и повести ее по всем
этапам культурных и трудовых достиже-
ний, вплоть до избрания ее в члены пра-
вительства, — такая нагрузка для неболь-
шого рассказа непосильна. Можно было,
конечно, контрастными красками изобразить
два эпизода, нашла между ними фа-
бульную и историческую связь. Но тогда
нужно было бы сузить залучу, отказаться
от последовательного описания хода собы-
тий, свести к минимуму число действующих
лиц, затеять выразительный диалог. Но
Джалиль этого не сделал.

Ошибка автора заключается в том, что
он слепо последовал за фактами. Хропо-
логическая точность, упоминание дат, ком-
позиционная громоздкость свидетельствуют
о том, что автор художественно не обоб-
щил жизненные факты. Рассказы носят
очерковый характер, но задачи поставле-
ны не очерковые. Отсюда схематичность
о том, что автор художественно не обоб-
щил жизненные факты. Рассказы носят
очерковый характер, но задачи поставле-
ны не очерковые. Отсюда схематичность
о том, что автор художественно не обоб-
щил жизненные факты. Рассказы носят
очерковый характер, но задачи поставле-
ны не очерковые. Отсюда схематичность

Ошибку автора заключается в том, что
он слепо последовал за фактами. Хропо-
логическая точность, упоминание дат, ком-
позиционная громоздкость свидетельствуют
о том, что автор художественно не обоб-
щил жизненные факты. Рассказы носят
очерковый характер, но задачи поставле-
ны не очерковые. Отсюда схематичность
о том, что автор художественно не обоб-
щил жизненные факты. Рассказы носят
очерковый характер, но задачи поставле-
ны не очерковые. Отсюда схематичность

Трагическая концовка ничем не объяс-
на. Она оставляет неприятный осадок.

При всех недостатках упомянутый рас-
сказ легко читается. Сами события,
описанные автором, интересны. Они из-
ображены живым народным языком. Впе-
чатление такое, будто читаешь хорошо на-
писанный конспект интересного романа.

Приятное впечатление производит рас-
сказ «Мечта матери». Автор описывает
женское собрание. Председательница дает
слово нагрязненной матери 10 детей. Дер-
жа на руках младенца, мать рассказывает,
что сама тоже была десятилетним ребенком. Ее
рождение было проклятием для семьи. Она
являлась непрошеной гостью и такой была в
течение всей своей жизни. Прижимая
к груди ребенка, нагрязненная мать рас-
сказывает о судьбе ее старших девяти де-
тей. Они учатся в институте и школах.
Перед ними жизнь открыла все двери. Но
больше всего ей мил сын, окончивший
школу летчиком. Она встала мечту, что
она полетит когда-нибудь вместе с ней на
самолете в Москву. Он ее доставит в
Кремль, где она увидит Сталина, которо-
му раскроет материнское сердце, полное
счастья и благодарности.

Шума и волнуса, движется грозная,
негодующая толпа. Староста и бай пыта-
ются усмирить ее и вызываются ити к
исправнику для переговоров. Но «дегел-
ты», конечно, помогают больше о сласто-
стей своей жизни, чем о помощи народу. Из до-
ма исправника раздаются выстрелы. Один
из дехкан падает, пораженный пулей.
Тогда толпа идет приступить на дом исправ-
ника. Властно и призывно звучит голос
матери. Она бесстрашно приближается к
часовому и вырывает у него из рук вы-
товку. Затем, войдя на возвышение, про-
возносит горячую речь.

Она обращается к мужеству крестьян,
она требует народной расправы над кро-
вожадными, вероломными представителями
власти. Ее слова повторяют сотни людей.
Но вдруг затрещали пулеметы. Пули сы-
вают лавью с соседних деревень и пора-
жают безоружных крестьян. Заканчива-
ется рассказ описанием погрома перед ко-
миссарией после расстрела крестьян.

Рассказ отличается большой динамич-
ностью. Джалиль показал себя большим ма-
стером изобразительной поэзии. Образ матери, оче-
виден, навеян «Матерью» Горького. Но он
сделал самостоятельную и выразительную. Осо-
бенно удалось автору показать, как воз-
никло в матери новое чувство выражае-
тся в революционном выступлении, как уг-
лублено это чувство контактом с массами
и как в действии рождаются народные
революционные лозунги.

С большим юмором написан рассказ
«Разбитый тапсман». На последние грехи
родителя-крестьянина обучает сына, меч-
тает сделать из него кулака. Все их ста-
ранья войти в голову парня преумерен-
ности и к чему не приводит. Могли пар-

шися дехкане безмолвствуют затем пе-
степенно приходят в возбуждение. Пале-
тризованные мужеством матери, дехкане
решаются ити к дому исправника с протес-
том против несправедливого набора.
Толпа растет, раздаются проклятия по
а

НЕЗАВЕРШЕННЫЕ ЗАМЫСЛЫ МАТЭ ЗАЛКА

Среди незавершенных творческих замыслов Матэ Залка, выполнение которых обрвало его трагическая гибель, имеется ряд киносценариев. Они были прерваны за разных стадий работы.

Почти до конца успел довести Матэ Залка свою работу над трибунно-авторским сценарием «Феррари». Сюжет этого сценария — из известной его рассказа, написанного под тем же названием.

Матэ Залка оставил материалы трех сценариев, посвященных темам гражданской войны: «Перелом», «Два брата» и «С оружием в руках».

В киносценарии «Два брата» писатель задумал изобразить один из типичных семейных конфликтов, вызванных наступлением социальной революции. Два брата, выходя из буржуазной семьи, расходятся в разные стороны: один примыкает к пролетарской революции, другой остается в безземельном лагере. Развитие революции сталкивает их лицом к лицу, и выходящая своей революционной долг, брат приговаривает брата-контрреволюционера к смерти.

Большой интерес представляют материалы задуманного Матэ Залка фильма «С оружием в руках». Сюжетом его служит эпизод героической борьбы одного из интернациональных полков, образованных из бывших военнопленных, добровольно вступивших в Красную Армию. Полк этот сражался в рядах Красной Армии на Украине летом 1919 года.

Как видно из оставшегося перечня действующих лиц, Матэ Залка намечался воплотить в этом фильме образы Ворошилова, Беденко и других героев освободительной борьбы украинского народа.

В архиве Матэ Залка остался написанный им оригинальный сюжет детского кинофильма «Минская рука».

Едва ли не важнейшей из задуманных Матэ Залка кинодраматургических работ будет сценарий о Феликсе Эдмундовиче Дзержинском.

В творческой заявке, адресованной дирекции киностудии Геттоскино, в мае 1935 года писатель конкретно охарактеризовал содержание, которое он вкладывает в этот фильм.

Он писал:

«Фабрику пьесы я думаю сложить из следующих эпизодов:

- 1) Кому поет Мицкевич?
- 2) Юность Дзержинского. Проблема польской революции. Дзержинский выбирает путь: с кем и куда.
- 3) За верой должно следовать дело. Напущенного на митинге Дзержинского, преданного молодыми рабочими, арестуют жандармы. Его побег из Верхоленска.
- 4) Поезд.
- 5) Дзержинский — большевик, он сливает РСД с РСДРП. Дзержинский — профессиональный революционер-интернационалист.
- 6) Уэник.
- 7) Дзержинский в тюрьмах (выбрать самое характерное, потрясающее). Его отношение к русским жандармам. 1917 год.
- 8) Страж.
- 9) 1918—19 гг. Гражданская война и ВЧК.
- 10) Дети революции.

О детях, строительстве социализма (транспорт, промышленность, ОГПУ, Декретомиссия, выращивание из врагов друзей, идея переделки людей путем труда, порождающего новое отношение к революции).

7) Страсть не угасает. Дзержинский умирает на посту, но дело его мы продолжаем (добавить всякого апофеозного приема, оставаясь на строго реалистическом принципе показа).

Комментируя эту фразу, Матэ Залка добавлял:

«Трудность на сегодняшний день заключается в том, что, при большой ясности центральной фигуры, мало еще видно мне вспомогательные фигуры картин, сквозные и эпизодические».

Особенная трудность с женским персонажем, без которого игровая лента быть не может. Но я глубоко уверен, что при разработке материалов, беседах с соратниками, женой Феликса Эдмундовича и т. д. мне удастся найти ту фразу, которая даст нам возможность обречь в убедительный, заражающий сюжет структуру и суровую фигуру Феликса».

с. ипполитов

Институт языка и литературы Башкирии готовит к выпуску отдельным изданием свыше 15 000 строк эпоса башкирского народа «Идунай Имурады». Обработано уже 50 проц. текста, которые в ближайшие дни будут даны в печать. На снимке: научные работники за обработкой эпоса. Слева: Хамматов Х. А., директор института и Бурангулов М. А. — научный сотрудник фольклорного сектора. Фото Г. Акмолинского.

ПОЭТЫ И ПЕСНЯ

На днях всевозможная комиссия по драматургии, театру и кино при президиуме Союза писателей и секция поэтов ССП СССР устроили совместное совещание, посвященное песне.

Массовая советская песня — едва ли не самый молодой из поэтических жанров. Он начал развиваться всего лет пятьдесят назад. Развитие советской звуковой кинематографии во многом помогло проликованию песни в массы. Лучшее наше песенное — «Широка страна моя родная», марш из «Веселых ребят» и другие — родились вместе с фильмами. Параллельно появилось много песни и помимо кино. Но за последние полтора-два года в песне стабилизировались и круг тем, и формы стихосложения, и структура, и композиция сюжетов. Поэты не дают композиторам простора для музыкальной выдумки, и композиторы плетутся за поэтами, переживая уже написанное.

Обо всем этом говорили докладчик В. Арлов и поэты, композиторы и представители Музгиза, Мосреперткома и музыкального управления ВКИ, выступавшие в прениях.

Беда в том, говорили выступающие, что круг настоящих, квалифицированных поэтов-песенников очень мал и растет крайне медленно. Кроме В. Лебедева-Кумача и М. Исаковского — авторов лучших советских песен, которые действительно поэтская страна, немногие поэты могут похвалиться тем, что их песни популярны в массах. Основная же группа московских поэтов не уделяет этому жанру достаточного внимания: или либо совсем не пишут песен, либо относятся к работе в этой области несерьезно. Можно привести немало текстов, написанных «под музыку», которые поэт никогда не включит в книгу стихов.

На собраниях говорили о том, что до последнего времени существовали условия, способствовавшие процветанию песенной литературы. На поэтов и композиторов со всех сторон сыпались заказы на песни.

Творческие вечера писателей Крыма

СИМФЕРОПОЛЬ. (От наш. корр.). В ССП Крыма все чаще стали проводиться творческие вечера писателей. Только за один последний месяц состоялось три вечера.

Два из них были посвящены обсуждению большой поэмы о Крыме, написанной к 20-летию республики коллективом поэтов в составе Шамшала Алялинова, Алтаны, Амди Алтына, Булганаклы, Джамаккы, Дермиджи, Макуста Сулеймана и Решита Мурата.

Поэма получила высокую оценку. Специальный вечер был посвящен обсуждению творчества поэта Макуста Сулеймана. Доклад о творчестве Макуста Сулеймана, который сделал тов. Фетислов, не удовлетворил присутствующих. Анализ творчества поэта был помешан в докладе пересказом содержания некоторых произведений поэта, искусственно раздвоенных по темам.

Выступления в прениях восполнили в определенной степени недостатки доклада. Однако настоящего творческого разговора все же не получилось. Это говорит о том, что вечера нужно лучше подготавливать.

Курсы-конференция писателей Туркмении

АШХАБАД. (От наш. корр.). Союз советских писателей Туркмении проводит в Ашхабаде курсы-конференцию для писателей, живущих в аулах и в районах Туркмении. В Ашхабад съезду до 26 писателей и народных шахилов республики.

В работе курсов примут участие народный шахир Ата Салах, проживающий в ауле Шор-Теве Марыйской области, народный шахир Дурди Клыч из аула Кумет в Хорезме, член союза писателей Торе Джумаев, работающий председателем колхоза в Чарджоуской области, и другие.

В программе работы курсов намечены: беседа «Классика марксизма о литературе», две беседы по истории Туркмении, лекции о классиках туркменской поэзии, о фольклоре, о советской поэзии и о драматургии.

Открытие курсов-конференции намечено на 15 июня.

НОВОЕ О ПОЭТЕ ПОЛЕЖАЕВЕ

В архиве министра народного просвещения адмирала Шиникова содержится подлинная записка в восьмью долей листа. Документ говорит сам за себя. Записка написана рукой Николая I, не имеет даты, но порядком подлинник среди датированных бумаг позволяет отнести ее к двадцатым числам июля 1826 г.

«Имею необходимую надобность вас видеть равно особе ректора адмиралского университета генерала Писарева и прошу вас быть ко мне завтра в 11 часов по полудни и если есть на лицо здесь студент Александр Полежаев то и ему быть тогда же ко мне».

В перечне документов под № 38, непосредственно после документа, датированного 3 августа 1826 г. имеется следующий заголовок бумаги: «Без числа такая же записка с повелением быть к его величеству с генералом Писаревым».

Настоящий документ был прямою реакцией Николая I на известном донос И. П. Бибикова о Московском университете и студенте Полежаеве. До сих пор был известен лишь этот донос — исходная точка всего дела, но из протокола допроса Николая I Полежаева, из документа, точно фиксирующего день происшествия, известны не были.

Главным источником для сужения об этом историческом эпизоде служит известная рассказ А. И. Герцена о допросе А. И. Полежаева о слов самого поэта. Однако записан этот рассказ Герценом 30 лет спустя, по памяти.

Публикуемая записка подтверждает рассказ Герцена: грозное повеление «быть завтра в 11 часов по полудни» делает вполне понятной суету, поднятую в университете начальством для обеспечения своевременной явки вызываемых «пестков» лиц.

Публикуемый ниже текст находится в тетради Е. И. Бибикова, дочери подполковника И. П. Бибикова, по доносу которого в 1826 году Полежаев был отдан в

солдаты. В июле 1824 года за поручительством адмирала Шиникова Полежаев был отпущен на побывку в подмосковное село Ильинское, и здесь произошла встреча его с дочерью его предателя. Вопреки всем социальным преградам, с обеих сторон вспыхнуло горячее чувство, которое, однако, не могло получить выхода. В творчестве Полежаева оно выражено в нежных посланиях к девушке, «к своему портрету», рисованному ее рукой, а также в трагических стихах стихотворения «Черные глаза».

Эпизод этой встречи Е. И. Бибикова на склоне лет описала в своих воспоминаниях. Предлагаемая записка, вероятно, первоначальный набросок впоследствии литературно обработанных страниц «Встреча с поэтом А. И. Полежаевым».

Адресат этого наброска неизвестен. Во всяком случае — это лицо, которому Е. И. доверила одно из драгоценных своих воспоминаний. Оригинал — на французском языке.

«Балованно, июль 1847 года Спасибо за кушничку друг дружки! Ваша кушничка настолько отличается от той, о которой я вам рассказывала, насколько чувство, вас связывающее, разнится от чувства, о котором напоминаю мне другой человек. Вот он предло мной. Я положила его сюда этот бедный высушенный источник. Немало лет прошло с тех пор, а между тем не могу без глубокого душевного трепета вспомнить эту роскошную летнюю ночь, лунные перемены в воллах и редкое его движение с целью сорвать любимым мой цветок, движение едва не вырвавшее его из лодки... а особенно взгляд, каким сопровождал он свой прыжок! Жгучее и чистое воспоминание, воспоминание о первой любви, началом которой были цветы, а концом — могила.

Но не нужно сетовать. Я наслаждалась величайшим на земле счастьем. Это счастье того, Кто на небе узнал великого бога, И любил на земле человека великого (Мидкевич) В. БАРАНОВ

Вышедшие книги

«СЕНТИМЕНТАЛЬНОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ»

Государственное издательство «Художественная литература» выпустило книгу Лоренса Стерна «Сентиментальное путешествие».

В книгу вошли: «Сентиментальное путешествие по Франции и Италии», «Воспоминания о жизни и семье покойного священника Лоренса Стерна», письма Стерна, «Письма Норика к Элизе», «Дневник для Элизе».

Книга вышла в переводе и с примечаниями А. Франковского, о иллюстрациями художника Мориса Лелуара.

«ПЕРЕЖИТОЕ» АН. ЦЕРЕТЕЛИ

Государственное издательство «Художественная литература» выпустило книгу воспоминаний одного из наиболее прославленных грузинских писателей XIX века — Алексея Церетели, состоящие со дня рождения которого исполняется 21 июня 1940 г.

В первой части этих воспоминаний изображен был старейший, дореволюционный Грузин, система патриархального воспитания, уродливые условия школьной жизни и т. д. Вторая часть «Пережитого» представляет собой своеобразную портретную галерею выдающихся грузинских писателей и общественных деятелей XIX века (И. Церетели, А. Орбелиани, сотрудники «Царский» Т. Церетели, С. Месхи, Н. Николадзе, А. Кабака, князя Г. Орбелиани и Дмитрия Кипиани).

«Пережитое» вышло в переводе Елены Гогоберидзе, о портрете автора. Книге предпославо предисловие Левана Асатиани, которому принадлежат также примечания.

«СТАРИК ХОТТАБЫЧ»

Под таким названием вышла в Детиздате ЦК ВЛКСМ приключенческая и юмористическая повесть Л. Лагина для детей среднего возраста.

В повести живо рассказывается о приключениях бабайского колдуна, старика Хоттабыча, и советского пионера Вольки. Повесть вышла в рисунках К. Ротова.

«ТАРАСОВА ДОЛЯ»

Детиздат ЦК ВЛКСМ выпустил книгу украинского писателя Николая Иваненко «Тарасова доля» в переводе Е. Живойрой.

В книге рассказывается о детстве и юности великого украинского поэта Тараса Григорьевича Шевченко.

Книга вышла о послесловием Г. Зилгера и рисунками С. Война.

Хроника

На заседании бюро областных комитетов ССП СССР состоялось обсуждение либретто Н. Бирюкова для оперы «Степан Разин», музыка которой написана композитором А. Касьяновым. Поэты С. Горелович, Г. Санников, А. Коваленко, С. Обрадович, М. Гальперин дали положительную оценку.

Опера «Степан Разин» поставлена в Горьковском оперном театре.

В Челябинске состоялась областная конференция писателей. На конференции была подвергнута резкой критике работа бывшего ответственного секретаря отделения ССП тов. В. Ицман.

Конференция избрала бюро отделения ССП в составе тт. А. Борисова, Е. Виноной, Т. Туричева, В. Куанцова и Г. Глиш. Вышла из печати вторая книга журнала «Сибирские огни» за 1940 год. Среди других материалов в книге напечатаны: роман Анны Герман «Возвращение», рассказы Н. Кудрявцева, стихи В.ас. Непомнящих, Л. Черноморцева, Е. Стравт, перевод стихотворения белорусского поэта М. Танка.

К четвертой годовщине со дня смерти А. М. Горького Всесоюзный радиокомитет готовит постановку инсценированного, о специально для радио рассказа Горького «Мальва». К участию в постановке привлечены заслуженные артисты республики: В. Г. Алексеева (Мальва), П. А. Герда (Василия) и Н. С. Шатников (Яков).

Очередное заседание бюро Воронежского отделения ССП было посвящено военной учебе писателей. Решено совместно с Домом Красной Армии организовать теоретический семинар по военным дисциплинам, охватывающий круг знаний, необходимых в боевой обстановке работнику красноармейской газеты.

Крымско-татарские поэты Иргет Калыр, Макуст Сулейман и Шамшиль Аляди работают над переводом эпоса калмыцкого народа «Джангар». Им уже переданы три песни эпопея, которые будут опубликованы в журнале «Совет Эдебияты».

В связи с переходом узбекского языка на новый алфавит, основанный на русской графике, Институт языка литературы и истории ташкентского филиала Академии наук СССР составил новый орфографический словарь узбекского языка.

Редакционная коллегия: В. ВИШНЕВСКИЙ, А. КУЛАГИН (отв. редактор), В. ЛЕБЕДЕВ-КУМАЧ, М. ЛИЩОЦ, Е. ПЕТРОВ, Н. ПОГОДИН, А. ФАДЕЕВ.

ВЫРЕЖЬТЕ И СОХРАНИТЕ МАГАЗИНЫ МОСКУЛЬТОРГА

№ 15 Китайгородский проезд, д. 1, (у Политехнического музея), Телефон К5-66-94.

№ 22 Арбат, д. 4. Тел. Г1-30-38. № 3 Уд. Герцена, д. 22. Тел. К4-47-94. № 18 Греческая, д. 36. Тел. К5-56-73. № 20 Уд. Горького, д. 78. Тел. Д1-36-78.

ПОКУПАЮТ У НАСЕЛЕНИЯ И ПРОДАЮТ КНИГИ СТАРЫЕ И НОВЫЕ (по истории, философии, художественную литературу)

ДЛЯ ПОКУПКИ БИБЛИОТЕК ВЫСЛАЮТСЯ ТОВАРОВЕДЫ НА ДОМ.

КНИЖНАЯ ЛАВКА ПИСАТЕЛЕЙ ул. Горького, 13. Тел. К1-28-32.

ПОКУПАЕТ КНИГИ РУССКИЕ И ИНОСТРАННЫЕ, ХУДОЖЕСТВЕННУЮ ЛИТЕРАТУРУ, ПО ИСКУССТВУ, ТЕАТРУ И ИР.

Для осылаемых домашних библиотек в вы о л а т о с т в а ТОВАРОВЕДЫ.

Изд-во «Международная книга» КОПИЗ «Политиздат»

ВЫШЛА ИЗ ПЕЧАТИ и поступает в продажу книга НА НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ: АНДЕРСЕН-НЕКСЕ, М.

ДЕТСТВО. ВОСПОМИНАНИЯ. В 2-х томах. Том I. Маленький черныш. Том II. Под открытым небом.

Цена за оба тома 15 руб. Продажа в книжных магазинах Котина. Почтовые заказы направляйте по адресу: МОСКВА, Кузнецкий мост, дом № 16, магазин Мотиз № 6.

М. ГРОУ

Горьковские чтения

Институт мировой литературы им. А. М. Горького устраивает 15—16 июня очередные «Горьковские чтения».

На утреннем заседании 15 июня будут заслушаны доклады: С. Балухатого — «Историко-героическая тема у раннего Горького» и А. Свободова — «Ранний Горький против Достоевского».

На вечернем заседании 15 июня выступит С. Касторский с докладом «Горький и русская деревня эпохи 1905 года» и А. Волков — «Горький и пролетарские писатели».

На утреннем заседании 16 июня будут заслушаны доклады: Ф. Канаева — «Образ Степана Кузцова из романа М. Горького «Дизнь Клыма Самгина» и Н. Белкиной — «Незавершенные драматургические замыслы Горького».

Чтения закончатся докладом академика И. Липилова «Горький — поэт». В заключение прочтут литературный монтаж из произведений Горького «Женские образы у Горького».

Чтения будут проходить в Московском клубе писателей.

Накануне 20-летия Удмуртской республики

4 ноября исполняется 20 лет Удмуртской АССР.

Писатели республики активно готовятся к этой знаменательной дате. Драматург депутат Верховного Совета Удмуртской АССР тов. Гаврилов написал трагедию «Камит Усманов» — о легендарном вожаке повстанческого движения Камите и его борьбе с царизмом. Пьеса принята к постановке Удмуртским государственным драматическим театром.

Готовится к изданию большой альманах удмуртской поэзии и прозы на русском языке. Соавтором Удмуртской АССР объявил конкурс на лучшее литературно-художественное произведение. На конкурс поступило уже 65 рукописей.

Удмуртская АССР выпустила два сборника русских писателей и поэтов Удмуртии — «Приглашение к 20-летию» и «От всего сердца».

ВЫСТАВКА НЕМЕЦКОЙ КНИГИ

Пять веков прошло с тех пор, как в немецком городе Страсбурге (в июне 1440 г.) Иоганн Гутенберг изобрел книгопечатание. Его портрет и первые отпечатки книг — в центре выставки истории немецкой литературы, только что открывшейся в Государственной центральной библиотеке иностранной литературы.

По произведениям, собранным на выставке, легко проследить, что народные песни, сказки, героические сказания явились источником всего позднейшего литературного творчества немецких писателей. Старинные песни, посредством которых странствующие певцы передавали народу события и новости того времени, сатирические антирелигиозные анекдоты — шански — послужили материалом для «народных книг», получивших распространение в XV и XVI вв., которые в свою очередь были использованы гениальными художниками и поэтами в соприкосновении мировой литературы. Книжку о докторе Ногане Фаусте» наряду с другими, Энгельс относит к самым глубоким творениям народного поэзии всех народов. Одна из народных книг посвящена сказанию о жизни Тилья Учиничека.

Средневековая литература (XII—XIV вв.) — период «Илиады» и поэзия Минневанга. Этот раздел представлен книгами, выдержками из них, характеристиками творчества немецких миннезингеров — Реймара старшего, Гартмана фон Ауэ, Вальтера фон дер Фогельвейде, Вольфганга фон Эшенбах (о чудесных песнях которого высоко отзывался Энгельс) и других.

Среди произведений писателей-гуманистов представлены и стихотворная сатира Себастьяна Бранта «Корабль дураков», породившая множество подражаний, и прозаические Мартина Лютера и «Похвала глупости» — Эразма Роттердамского, и «Письма темных людей» — Ульриха фон Гуттена. Наряду с немецкими изданиями выставлены русские переводы этих книг.

Выставка заканчивается разделом «Эпоха Тридцатилетней войны и барокко», раскрывающий творчество творческих немецких классицистов (Мартин Оплиц и его последователи). Особое место занимает в этом разделе реалистический роман «Симплициус» — Гриммелшудена, в котором, как в зеркале, отражена жизнь Германии в эпоху Тридцатилетней войны.

Литературная газета № 32

РЕДАКЦИЯ: Москва, Последний пер., д. 26, тел. отделов: критики, инфо рмационного, иностранного, писем и иллюстраций — К 4-46-19; партийного, литературы народов СССР, детской литературы, искусства — К 4-34-60

Уполн. Главлита Б-9035

«НЕЗАВИСИМАЯ» ПРЕССА

корреспондентов. Важен он получает от министерства достоверную информацию по вопросам общей политики. Это делало «Таймс» наиболее информированной газетой Англии, а иногда и Европы.

Когда 27 февраля 1848 года в Париже вспыхнула революция, два курьера английских газет — «Таймс» и «Морнинг геральд» — изо всех сил старались обогнать друг друга на локомотивах. Машина «Морнинг геральд» обогнала. Но когда его локомотив на одной из станций брал воду, таймсовский проскочил мимо и поспе в Лондон раньше.

Во время Крымской войны «Таймс» уже полностью перешел на телеграфный способ сообщений.

В сороковых годах на трон «Таймса» взошел Джон Уолтер III. Он был не в ладах с рядом видных политических деятелей, в том числе с Пизем, одним из шести или семи выдающихся британских премьер-министров. Пизем решительно потребовал от своего министра иностранных дел — Эбердина, чтобы тот перестал снабжать «Таймс» информацией о внешней политике.

Эбердин дорожил связями с «Таймсом». А связи эти были вот какого рода: Эбердин писал записки редактору Лилейну, рекомендуя напечатать по тому или иному вопросу передовую статью, которая, но будучи инспирированной, все же выражала бы его взгляды. Некоторые из этих записок министра «целиком попадали в редакцию» редактора. Случалось, что статьи «Таймса» были не только инспирированы, но и в известной части «прямо написаны» министром.

Связь с министерством не мешала тому, что когда «Таймсу» попадалась очень сенсационная корреспонденция, он ее пе-

тал, даже если она расходилась с официальной линией внешней политики. В 1844 году, когда Эбердин искал сближения с Францией, «Таймс» печатал корреспонденцию о бомбардировке французскими танжера, доставившую министру много хлопот. В 1845 году «Таймс» пошел против Франции кампанию из-за Танги. Состоялось неприятное объяснение между министром и редактором. Объяснение кончилось тем, что редактор обещал впредь быть послушным.

В 1853 году, накануне Крымской кампании, «Таймс» служил сразу двум господам. У власти был коалиционный кабинет Эбердина. Эбердин вел политику мира, а его министр иностранных дел Кларендон — политику войны. «Таймс» получал задания и от того и от другого. Так получалось, что «Таймс» вел «независимую» линию.

К концу 1853 года «Таймс» понял, что в правительстве, как и в наездившем на него «общественном мнении» побеждает линия войны. Тогда он порвал с Эбердином и стал в первые ряды агитаторов.

В эпоху Крымской войны «Таймс» достиг вершины славы. Им он был обязан своим военным корреспондентам, неизменно быстро информировавшим и тому, что он первый разоблачал бездарность генералов. Тираж «Таймса» в это время достигал 70 тысяч экземпляров, что превзошло тираж всех его соперников, вместе взятых. С новым правительством Пальмерстона «Таймс» установил самые тесные отношения. Редактор Лилейн был сильно заинтересован в тираже газет, так как его личные доходы были поставлены в прямую зависимость от прибыли, т. е. от

т. е. от